

*Сайлас Дрейк*

# КОМНАТА БЕЗ АДРЕСА



# **Комната без адреса**

Сайлас Дрейк

*Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.*

# Оглавление

*Пролог*

*Глава 1. Семейный ужин*

*Глава 2. Неотданный голос*

*Глава 3. Конструкция предательства*

*Глава 4. Словарь надзирателей*

*Глава 5. Тень за пределами комнаты*

*Глава 6. Первые нити*

*Глава 7. Система нетерпимости*

*Глава 8. Эхо в эфире*

*Глава 9. Выход в пустоту*

*Глава 10. Карта сломанных судеб*

*Глава 11. Свидетель обвинения*

*Глава 12. Незавершенная история*

# Пролог

Свет софитов в конференц-зале отеля «Империял» был слишком резким. Он падал на полированную поверхность трибуны, отражался от объективов телекамер и слепил глаза. В зале стоял тот особый, сдержанный гул, который всегда предшествует выступлениям людей, переживших нечто экстраординарное. Журналисты проверяли диктофоны, фотографы занимали удобные точки, кто-то перешептывался в первых рядах.

Кэндзи Морита стоял за кулисами, ожидая приглашения. Ему было шестьдесят два года, хотя глубокие морщины у рта и ранняя седина заставляли многих давать ему больше. В его руках была книга — плотный том в темной обложке, пахнувший свежей типографской краской. Его собственная автобиография. История человека, которого не существовало для внешнего мира двенадцать с лишним лет.

— Господин Морита, ваш выход, — тихо произнесла ассистентка, тронув его за локоть.

Он кивнул, сделал глубокий вдох и шагнул в полосу ослепительного света.

Зал встретил его аплодисментами. Они звучали уважительно, почти торжественно. Люди видели перед собой победителя — человека, который прошел через немыслимое испытание, выжил, сохранил рассудок и теперь готов поделиться своей правдой. Но для самого Мориты этот шум на мгновение слился в сплошной белый шум, а яркий свет прожекторов внезапно сузился до одной-единственной тонкой желтой линии.

Линии света под дверью.

Память — безжалостный механизм. Достаточно малейшего триггера, чтобы время свернулось в петлю. Стоя перед сотнями людей в 2025 году, Морита физически ощутил запах застоявшегося воздуха, пыли и дешевого освежителя с ароматом хвои. Он снова оказался там. В комнате без адреса.

Четыре тысячи пятьсот тридцать шесть дней.

Эта цифра была выжжена в его сознании. Она не была просто статистикой или строчкой в судебном иске. Это была физическая величина его одиночества. Каждое утро в той комнате начиналось одинаково: с осознания того, что мир за окном продолжает движение, а он вычеркнут из него. Вычеркнут не государством, не тайной полицией, не криминальным картелем. Вычеркнут теми, кто учил его ходить и говорить.

Морита положил книгу на трибуну. Аплодисменты стихли. В зале повисла выжидательная тишина. Он посмотрел на лица людей в первых рядах. Они ждали рассказа о преодолении. О силе духа. О том, как добро побеждает зло. Но правда заключалась в том, что зло, с которым он столкнулся, не носило черных масок и не говорило угрожающим шепотом. Оно говорило голосом его матери, предлагающей чай. Оно смотрело на него полными слез глазами отца, который искренне верил, что запирает сына на три замка ради его же спасения.

— Спасибо, что пришли, — голос Мориты прозвучал ровно, без дрожи. Он давно научился контролировать свои интонации. В комнате любое проявление эмоций трактовалось как «симптом сектантского мышления» и вело к ужесточению режима. — Вы держите в руках книгу о похищении. Но это не детектив. Здесь нет погонь и требований выкупа. Моя история страшна своей обыденностью.

Он сделал паузу, обводя взглядом притихший зал.

— Когда мы говорим о лишении свободы, мы представляем себе тюремные решетки, конвоиров, приговоры судов. Мы верим, что в демократическом обществе человек не может просто исчезнуть среди бела дня, если он не нарушал закон. Я тоже так думал. До того дня, когда приехал на семейный ужин, а очнулся в запертой квартире с заколоченными окнами.

Морита вспомнил тот вечер. Запах жареной рыбы, привычный звон посуды. А потом — чужие люди в коридоре, крепкие руки, прижимающие его к полу, и голос человека, назвавшего себя «консультантом по выходу». Этот человек говорил заученными, гладкими фразами. Он объяснял родителям Мориты, что их сын болен, что его воля подавлена, что насилие — это необходимая мера, чтобы «защитить». И родители, ослепленные страхом, заботливо навязанным им извне, кивали.

— Меня лишили свободы не потому, что я совершил преступление, — продолжил Морита, опираясь руками о края трибуны. — Меня заперли потому, что мои убеждения, мои духовные поиски были признаны кем-то «неправильными». Меня объявили неспособным принимать решения. Мой голос был аннулирован.

В зале кто-то тихо ахнул. Журналисты быстро строчили в блокнотах.

— Двенадцать лет я пытался понять, как такое возможно. Как любящая семья может превратиться в тюремщиков? Ответ оказался страшнее самого факта моего заключения. Мои родители не были садистами. Они были инструментами. Шестеренками в огромном, хорошо отлаженном механизме, который работает по всему миру.

Морита знал, о чем говорит. Только после своего освобождения, собирая по крупицам информацию, он увидел истинный масштаб. Он увидел эхо своей трагедии в судьбах сотен других людей. В Японии, Южной Корее, России, Европе, Америке. Везде действовала одна и та же логика. Везде использовались одни и те же слова: «депрограммирование», «спасение», «деструктивный культ». Везде работали так называемые эксперты, которые за большие деньги продавали семьям индульгенцию на насилие.

Это была индустрия. Индустрия страха и стигматизации, которая питалась человеческими жизнями, прикрываясь заботой о психологическом здоровье общества.

— В этой книге я рассказываю о комнате, — голос Мориты стал тише, заставляя аудиторию вслушиваться в каждое слово. — О том, как я считал дни по звукам мусоровоза за окном. О том, как я пропустил несколько парламентских выборов, превратившись в невидимку для собственного государства. Но эта книга не только обо мне.

Он поднял голову и посмотрел прямо в объектив центральной камеры.

— Пока я сидел в четырех стенах, внешний мир производил оправдания моему заключению. Писались статьи, защищались диссертации, принимались законы. Формировалась глобальная сеть, которая давала право одним людям решать, во что могут верить другие. Эта сеть жива и сегодня. Она меняет

названия, адаптируется к новым законам, но ее суть остается прежней — уничтожение инакомыслия через расчеловечивание.

Морита вспомнил карту, которую ему показали союзники после освобождения. Карту, усеянную красными точками — случаями похищений, сломанных судеб, разрушенных репутаций. Он вспомнил имена идеологов, которые никогда не пачкали руки сами, но чьи тексты и выступления служили спусковым крючком для насилия.

— Сегодня я стою здесь как свидетель, — твердо сказал он. — Они пытались стереть мою личность, убедить меня в том, что я — лишь пустая оболочка, запрограммированная чужой волей. Они потерпели неудачу. Мое тело было заперто, но они не смогли добраться до того, кем я являюсь на самом деле.

Вспышка фотоаппарата снова резанула по глазам. Но на этот раз Морита не перенесся в прошлое. Он остался здесь, в 2025 году. В комнате без адреса больше не было пленника. Дверь была выбита.

— Тишина, в которой они прятали свои преступления, закончилась, — произнес он, и в зале повисла абсолютная, звенящая тишина, в которой каждое его слово обретало вес свинца. — Мы начинаем говорить.

## Глава 1. Семейный ужин

Запах жареной скумбрии, легкий аромат соевого соуса и терпкий пар от свежезаваренного зеленого чая — именно так пахла безопасность. Для Кэндзи Мориты этот дом в тихом пригороде Тибы всегда оставался единственной константой в меняющемся мире. Он вел самостоятельную жизнь, имел устоявшиеся привычки и собственные духовные убеждения, но переступая порог родительского дома, он неизменно возвращался в то состояние спокойствия, которое доступно лишь в кругу семьи. Деревянные половицы в коридоре скрипели точно так же, как и тридцать лет назад. На стене висели те же выцветшие акварели, купленные матерью на распродаже в Киото. Отец, как

обычно, сидел во главе небольшого стола, аккуратно раскладывая палочки на керамических подставках.

Ничто в этот вечер не предвещало катастрофы. Это был обычный семейный ужин, традиция, которую они поддерживали годами. Морита снял обувь в гэнкан, аккуратно поставил туфли носками к двери и прошел в гостиную. Мать сутилась у плиты, ее движения казались немного более резкими, чем обычно, но Кэндзи списал это на возрастную усталость. Он сел на свое привычное место. Разговор тек лениво и обыденно: обсудили погоду, недавний тайфун, прошедший стороной, цены на рис и здоровье дальних родственников.

Единственное, что слегка выбивалось из привычного ритма — это взгляды. Мать несколько раз посмотрела на него так, словно пыталась запомнить черты его лица, а отец слишком долго молчал, глядя в свою чашку с чаем. Но человеческая психика устроена так, что до последнего отказывается верить в предательство тех, кто дал тебе жизнь. Морита просто подумал, что родители хотят обсудить что-то важное, возможно, вопросы наследства или необходимость ремонта в доме. Он отпил чай, собираясь спросить, в чем дело.

В этот момент входная дверь, которую он по привычке не запер на засов, резко распахнулась.

Звук тяжелых шагов в коридоре был настолько чужеродным для этого тихого дома, что Морита сначала даже не понял, что происходит. Он обернулся, ожидая увидеть соседей или курьера, но в гостиную ворвались трое крепких мужчин. Они не были в масках, на них была обычная повседневная одежда, но их движения выдавали четкую, заранее отрепетированную координацию.

Всё произошло за считанные секунды. Один из мужчин бросился к Морите, схватил его за плечи и с силой рванул назад, опрокидывая вместе со стулом. Кэндзи инстинктивно попытался сгруппироваться, но второй нападающий уже придавил его ноги к татами. Третий заломил руки за спину. Воздух выбило из легких. Боль острой вспышкой пронзила плечевой сустав.

— Какого черта?! — вырвалось у Мориты. Он начал отчаянно вырываться, используя весь свой вес. Он был взрослым, дееспособным мужчиной, и его тело инстинктивно сопротивлялось насилию. Ему удалось высвободить одну руку и

оттолкнуть ближайшего нападающего, но тот тут же навалился всем телом, прижимая лицо Кэндзи к жесткому плетению татами.

— Успокойся! Не сопротивляйся, будет только хуже! — тяжело дыша, процедил один из мужчин, усиливая захват.

Морита скосил глаза, пытаясь увидеть родителей. Он ожидал криков матери, ожидал, что отец бросится на помощь или схватит телефон, чтобы вызвать полицию. То, что он увидел, стало первым и самым страшным ударом, который навсегда разделил его жизнь на «до» и «после».

Отец стоял у стены, скрестив руки на груди. Его лицо было бледным, губы плотно сжаты, но он не делал ни единого движения, чтобы остановить насилие. Мать отвернулась к окну, закрыв лицо руками, ее плечи вздрагивали от беззвучных рыданий. Они не были напуганы вторжением. Они ждали его.

— Папа! Мама! Что происходит? Вызовите полицию! — закричал Морита, чувствуя, как чужое колено больно вдавливается ему между лопаток.

Никто не ответил. Вместо этого в комнату неспешным шагом вошел четвертый человек. Он разительно отличался от тех троих, что держали Мориту на полу. На нем был безупречно выглаженный серый костюм, в руках он держал кожаную папку. Мужчина средних лет, с аккуратной стрижкой и спокойным, почти академическим выражением лица. Он посмотрел на распластанного на полу Кэндзи не с агрессией, а с холодной, профессиональной оценкой, как ветеринар смотрит на буйное животное перед инъекцией транквилизатора.

— Держите его крепче, пока адреналин не спадет, — ровным голосом скомандовал вошедший. Затем он повернулся к родителям Мориты. — Вы всё сделали правильно. Я знаю, что это тяжело видеть, но помните, о чем мы говорили. Сейчас перед вами не ваш сын. Это оболочка, контролируемая деструктивным культом. Мы здесь, чтобы вернуть вам вашего настоящего сына.

Эти слова прозвучали в тишине комнаты как приговор. Морита перестал вырываться, парализованный не столько физической силой нападавших, сколько чудовищностью происходящего. Его собственный дом, запах материнской еды, привычные вещи вокруг — всё это мгновенно превратилось в декорации тщательно спланированной ловушки.

Человек в костюме присел на корточки перед лицом Мориты.

— Меня зовут Ито, — произнес он мягко, почти ласково. — Я консультант по выходу. Твои родители наняли меня, потому что они любят тебя и хотят спасти. Ты болен, Кэндзи. Твоя воля подавлена. Твои убеждения — это результат манипуляций. С этого момента ты будешь находиться под нашим контролем, пока мы не очистим твое сознание.

— Я взрослый человек! — прохрипел Морита, пытаясь поднять голову. — Вы не имеете права!

Ито лишь снисходительно улыбнулся и посмотрел на отца Кэндзи.

— Видите? — сказал консультант, указывая на Мориту. — Агрессия, отрицание реальности, апелляция к юридическим правам. Типичные симптомы измененного сознания. Любое его сопротивление сейчас — это лишь доказательство того, насколько глубоко секта проникла в его разум. Он сам не может освободиться. Ему нужна наша помощь.

Отец медленно кивнул, словно подтверждая заученный урок.

В этот момент один из мужчин, удерживающих Мориту, начал методично обшаривать его карманы. Ловкими, привычными движениями он вытащил бумажник, ключи от квартиры Мориты, ключи от машины и, самое главное, мобильный телефон. Все эти предметы были переданы Ито, который аккуратно сложил их в свою кожаную папку.

Связь с внешним миром была оборвана в одну секунду. Морита физически ощутил, как исчезает его социальная идентичность. Без телефона он не мог позвать на помощь. Без документов он переставал быть гражданином, имеющим права. Без ключей он лишался собственного дома. В глазах этих людей, и, что самое страшное, в глазах его собственных родителей, он больше не был пятидесятилетним мужчиной, имеющим право на свободу совести и передвижения. Он был низведен до статуса недееспособного объекта, вещи, которую нужно «починить».

То, что происходило в гостиной семьи Морита, не было уникальным инцидентом или стихийным актом отчаяния. Это была отлаженная, коммерческая процедура, часть огромной теневой индустрии, существующей во многих странах мира. Речь идет, по сути, о форме заказного насилия: родственники, введенные в заблуждение агрессивной антисектантской

пропагандой, платят огромные деньги за похищение и насильственное удержание своих близких. Им внушают, что их совершеннолетние дети якобы «вышли из-под контроля», и единственным способом их спасения является физическая изоляция и психологическое давление.

В этой индустрии работают профессионалы, называющие себя «депрограммистами» или «консультантами по выходу». Они используют страх родителей как главный рычаг для извлечения прибыли. Теория контроля сознания, широко известная как «промыывание мозгов», рассматривает веру либо как несуществующее явление, либо как незаконное воздействие на личность. В этом контексте депрограммирование подается как метод избавления от предполагаемого «программирования» сознания. Суть подхода заключается в том, что с помощью специальных техник, включающих лишение сна, изоляцию, унижение и постоянное психологическое давление, можно якобы вернуть человеку его первоначальное, «свободное» мышление.

Методология этого процесса была давно стандартизирована. Стивен Хассен, бывший член Церкви объединения, сам подвергшийся депрограммированию и позднее ставший депрограммистом, рассказывал об этом с пугающей откровенностью.

В классическом сценарии депрограммирования члена культа физически похищают и удерживают в секретном месте или насильно удерживают во время визита домой. Группа охраны наблюдает за человеком несколько дней, 24 часа в сутки, пока депрограммист, бывшие члены культа и члены семьи предоставляют информацию. Их удерживают много дней, пока они не «вырвутся» из-под контроля культа (или не сделают вид, что это произошло).

Именно этот сценарий сейчас разворачивался вокруг Мориты. Его «захватили» в момент наибольшей уязвимости — в доме родителей, где он не ожидал нападения.

— Поднимайте его, — скомандовал Ито. — Пора переходить в безопасное место.

Мужчины рывком поставили Мориту на ноги. Его руки по-прежнему были жестко зафиксированы за спиной. Он тяжело дышал, глядя на мать.

— Мама, пожалуйста, — тихо сказал он. — Посмотри на меня. Это же я. Твой сын. Что вы делаете?

Мать закрыла уши руками и отвернулась. Ито подошел к ней и ободряюще похлопал по плечу.

— Вы сильная женщина, — произнес консультант. — Вы спасаете ему жизнь. Не слушайте его слова, это говорит не он, это говорит его болезнь.

Оправдание насилия риторикой «спасения» и «заботы» — самый циничный и одновременно самый эффективный инструмент антикультовой сети. Он позволяет любящим родителям перешагнуть через базовые моральные и правовые нормы. Когда насилие упаковано в обертку медицинской или психологической необходимости, оно перестает восприниматься как преступление. Родители искренне верят, что совершают благо.

История знает множество примеров того, как эта извращенная логика разрушала семьи. Примечательным примером является случай мистера и миссис Элтона Хеландеров из Гилфорда, штат Коннектикут, описанный в The New York Times еще 30 мая 1976 года. Они боролись с Церковью объединения с тех пор, как их дочь Венди стала ее полноправным членом. Не одобряя ее решения, родители похитили ее из церковного центра и подвергли депрограммированию под руководством Теда Патрика. Это не сработало. После этого Венди покинула родительский дом и вернулась в церковь.

Хеландеры подали в суд, но судья отклонил иск, постановив, что родители не доказали факт «контроля или принуждения» со стороны церкви. Венди заявила, что по-прежнему любит родителей, но больше не доверяет им. И она была абсолютно права. Через некоторое время родители пригласили ее на прогулку, но затем снова похитили. Девушку удерживали около трех месяцев, постоянно меняя места, чтобы избежать обнаружения, и подвергали непрерывному депрограммированию. В конце концов ей удалось сбежать. С тех пор Хеландеры больше не видели свою дочь. Они потратили около 40 000 долларов на судебные издержки, депрограммирование и другие расходы, погрязнув в долгах. Тем не менее, их оправдание звучало в точности так же, как слова Ито в гостиной Мориты:

«Всё, чего мы хотим для нашей дочери, — это её свободы. Мы должны спасти её разум».

Эта фраза — «спасти разум» — становится универсальной индульгенцией на любые зверства. Ради этого «спасения» людей связывают, лишают сна, избивают и запирают на годы.

В Японии эта практика приобрела особенно жестокие формы, часто опираясь на традиционное уважение к старшим и авторитет семьи. Эмико Мотоки, вышедшая замуж за южнокорейского члена Церкви объединения, в ноябре 2000 года впервые приехала в Японию, чтобы познакомить мужа со своей семьей. В своем письменном заявлении она так описывает то, что произошло в первую же ночь в родительском доме:

«Я проснулась от того, что мой рот был закрыт тряпкой. Сначала я подумала, что это ограбление, но когда я попыталась стянуть тряпку, закрывавшую мой нос и рот, я увидела свою младшую сестру».

Семья отвезла ее в протестантскую церковь, где пастор, его жена и бывшие члены организации держали ее в запертой комнате две недели, подвергая нежелательному «консультированию по выходу». Только благодаря настойчивости мужа, который обратился в посольство Южной Кореи, полиция начала поиски и, как сообщается, обнаружила и освободила женщину.

Но у Кэндзи Мориты не было никого, кто мог бы поднять тревогу в ту же ночь. Он был одинок, его коллеги по работе привыкли к его частым отъездам на духовные ретриты, а его единственные близкие люди прямо сейчас помогали конвоировать его к выходу из дома.

— Идем, — один из охранников толкнул Мориту в спину.

Его вывели через заднюю дверь, ведущую во внутренний двор. Там, в тени деревьев, стоял неприметный минивэн с тонированными стеклами. Дверца была открыта. Мориту грубо втолкнули внутрь, бросив на заднее сиденье. Двое мужчин сели по бокам, плотно прижав его к спинке сиденья, третий сел за руль. Ито занял переднее пассажирское кресло. Родители остались стоять на крыльце. В свете тусклого фонаря Морита видел, как отец обнял плачущую мать за плечи. Они провожали взглядом машину, увозящую их сына в неизвестность, абсолютно уверенные, что поступают правильно.

Дверь минивэна захлопнулась, отрезая звуки ночной улицы. Двигатель тихо заурчал, и машина тронулась с места.

В салоне царила напряженная тишина. Морита чувствовал, как колотится его сердце. Боль в вывернутом плече пульсировала в такт ударам пульса. Он смотрел на затылок Ито, пытаясь осознать масштаб произошедшего. Его не просто похитили. Его предали. Фундамент его мира, в котором семья означала защиту, рухнул за считанные минуты.

Последствия такого предательства невозможно излечить просто временем. S.N., другой пострадавший от насильственного депрограммирования, дававший интервью правозащитникам анонимно, признался, что после своего заключения в 1993 году он страдал от тяжелых психологических последствий на протяжении многих лет. Его слова идеально описывают ту бездну, в которую в этот момент падал Морита:

«Иногда я впадал в депрессию и не мог спать. Я больше не мог сосредоточиться. Я не могу понять, как родители могли так поступить со своим ребенком. Они не захотели познакомиться с моей будущей женой и не хотят видеть своих двух внуков. Я готов к примирению, но сначала я хочу, чтобы они сказали, что сожалеют о том, что сделали со мной. Эта рана остаётся открытой спустя почти 20 лет».

Рана Мориты только что была нанесена. Она кровоточила страхом и непониманием.

Машина ехала долго. Кэндзи пытался следить за маршрутом, но тонированные стекла и темнота за окном делали это невозможным. Он замечал лишь редкие вспышки уличных фонарей и свет фар встречных автомобилей. Охранники по бокам сидели молча, как каменные изваяния, их тела напряженно реагировали на любое движение пленника.

Спустя примерно два часа минивэн свернул на узкую улицу, судя по звуку шин — в какой-то спальный район с плотной застройкой. Машина остановилась в подземном паркинге или гараже — вокруг были только бетонные стены и тусклый свет люминесцентных ламп.

— На выход, — скомандовал водитель.

Мориту вытащили из машины. Его провели через серую металлическую дверь, затем вверх по узкой лестнице. Никаких окон, никаких ориентиров. Только звук шагов по бетону и тяжелое дыхание конвоиров. Они остановились перед обычной деревянной дверью. Ито достал из кармана связку ключей, выбрал нужный и вставил в замочную скважину. Щелчок механизма прозвучал неестественно громко.

Дверь открылась, открывая вид на небольшую квартиру. Окна были плотно зашторены, а поверх штор, как успел заметить Морита, виднелись края прибитых к рамам деревянных панелей. Это не было временным убежищем. Это была специально подготовленная тюрьма.

— Заводите, — сказал Ито.

Мориту втолкнули внутрь. Он споткнулся о порог и едва удержался на ногах. Охранники вошли следом, но Ито остался в коридоре.

— Располагайся, Кэндзи, — голос консультанта звучал приглушенно из-за полуоткрытой двери. — Здесь ты будешь в безопасности. Никто из твоей секты тебя здесь не найдет. Мы начнем наши беседы завтра утром. А пока постарайся поспать. Твоим родителям сейчас гораздо тяжелее, чем тебе. Подумай об этом.

Дверь начала медленно закрываться. Морита сделал шаг вперед, инстинктивно желая остановить ее, вырваться в коридор, закричать, но один из охранников преградил ему путь, положив тяжелую руку на грудь.

Полоска света из коридора становилась всё тоньше, пока не исчезла совсем. Затем раздался звук, который Кэндзи Морита будет слышать в своих кошмарах до конца жизни.

Лязг тяжелого металлического засова, задвигаемого снаружи. А затем — два оборота ключа в нижнем замке. И еще два — в верхнем.

## Глава 2. Неотданный голос

Тишина, наступившая после того, как лязгнул дверной засов, имела совершенно особую плотность. Это была не та успокаивающая тишина загородного дома или пустой библиотеки, к которой привык Кэндзи Морита. Это была тишина вакуума, искусственно созданного пространства, из которого принудительно выкачали всю естественную жизнь. В первые часы нахождения в запертой квартире мозг еще отказывался воспринимать реальность в ее полном объеме. Сознание цеплялось за иллюзию временности происходящего: казалось, что это чья-то чудовищная ошибка, затянувшаяся стрессовая ситуация, которая вот-вот разрешится звонком в дверь или появлением полиции. Но шли часы, и физическая реальность комнаты начинала неумолимо давить на психику.

Квартира представляла собой стандартное, ничем не примечательное жилье, какие тысячами сдаются в аренду в спальных районах японских мегаполисов. Небольшая прихожая, совмещенный санузел, крошечная кухня и основная комната, застеленная дешевым линолеумом под дерево. Однако дьявол крылся в деталях, которые превращали это банальное пространство в изолятор. Главной из этих деталей были окна.

Морита подошел к окну в первый же вечер, инстинктивно желая раздвинуть плотные, тяжелые шторы, чтобы посмотреть на улицу, определить свое местоположение, увидеть небо. Но за тканью его ждало глухое препятствие. Оконные рамы были наглухо закрыты толстыми листами фанеры. Дерево было прикручено к стенам длинными саморезами, шляпки которых были намеренно сорваны или залиты клеем, чтобы исключить любую возможность демонтажа голыми руками. Ни единой щели. Ни одного луча естественного света. Ни малейшего дуновения свежего воздуха.

Отсутствие естественного освещения — это не просто бытовое неудобство. Это один из самых древних и эффективных инструментов дезориентации человеческой психики. Циркадные ритмы, управляющие сном, бодрствованием, выработкой гормонов и общим физиологическим тонусом, жестко привязаны к смене дня и ночи. Когда человек лишается возможности видеть солнце, его

внутренние биологические часы начинают давать сбой. Уже на третьи сутки пребывания в комнате Морита перестал понимать, какое сейчас время суток. Искусственный свет люминесцентной лампы под потолком был ровным, холодным и безжизненным. Он не менял своей интенсивности ни утром, ни вечером.

Вскоре Морита обнаружил еще одну пугающую деталь: выключатель основной лампы находился не внутри комнаты, а снаружи, в коридоре, доступ к которому был надежно перекрыт запертой дверью. Свет включался и выключался по воле тех, кто находился по ту сторону. Иногда лампа горела сутками напролет, режа глаза и не давая погрузиться в глубокий сон. Иногда свет внезапно гас, погружая комнату в абсолютную, непроницаемую темноту на долгие часы, заставляя пленника лежать с открытыми глазами, вслушиваясь в собственное дыхание и теряя последние остатки связи с реальностью.

Эта искусственно созданная среда не была случайностью или следствием плохой подготовки похитителей. Документы и свидетельства показывают, что антикультовые группы и так называемые «консультанты по выходу» целенаправленно используют строгую изоляцию и сенсорную депривацию для искусственного создания состояния абсолютной беспомощности. Цель состоит не просто в том, чтобы удержать человека физически, а в том, чтобы разрушить его базовое доверие к собственным органам чувств, лишить его точек опоры и заставить усомниться в собственной адекватности. Когда вы не знаете, день сейчас или ночь, когда вы не можете выглянуть в окно, когда температура и свет контролируются невидимыми надзирателями, ваша воля начинает истончаться.

Чтобы не сойти с ума в этой сенсорной пустоте, Морита начал выстраивать новую систему координат. Если зрение было бесполезно, он должен был полагаться на слух. Он превратился в живой локатор, фиксирующий малейшие вибрации внешнего мира, проникающие сквозь стены и заколоченные окна.

Сначала звуки казались хаотичным шумом, но постепенно, благодаря невероятной концентрации и внутренней дисциплине, Морита начал различать в них паттерны. Он понял, что квартира находится на невысоком этаже, возможно, на втором или третьем, потому что звуки с улицы доносились достаточно отчетливо, несмотря на преграды.

Самым надежным хронометром стал мусоровоз. Дважды в неделю, судя по всему, по вторникам и пятницам, Морита слышал характерный тяжелый гул дизельного двигателя, который останавливался где-то неподалеку. Затем раздавался лязг металлических контейнеров, крики рабочих на гортанном, рабочем японском языке и пронзительный гидравлический визг прессующего механизма. Этот звук означал утро. Он означал, что началась новая неделя. Морита брал кусочек мыла в ванной и делал крошечную, едва заметную царапину на внутренней стороне дверцы шкафчика под раковиной. Так он начал вести свой календарь.

Другим важным маркером стали голоса школьников. По будням, примерно в одно и то же время, сквозь стены пробивался высокий, многоголосый гомон. Дети шли в школу. Их смех, обрывки фраз, звук бегущих по асфальту ног — все это длилось не более пятнадцати минут, но для Мориты эти минуты были священными. Они доказывали, что нормальный мир все еще существует. Что где-то там светит солнце, люди пьют утренний кофе, спешат по своим делам, живут обычной жизнью. Во второй половине дня, когда гомон повторялся, но уже в более расслабленной, тягучей тональности, Морита понимал, что уроки закончились. Значит, наступило время между тремя и четырьмя часами пополудни.

Но самым глубоким, самым фундаментальным звуком, пронизывающим его существование, стал гул поездов. Квартира явно располагалась недалеко от железнодорожной эстакады. Каждые несколько минут пол едва заметно вибрировал, и до слуха доносился ритмичный перестук колес. Морита научился различать поезда. Утром и вечером интервалы между ними сокращались до минимума — это были часы пик, когда электрички шли одна за другой, увозя клерков в центр города и возвращая их обратно. Днем интервалы увеличивались. Поздно ночью наступала пауза, прерываемая лишь редким, тяжелым грохотом товарных составов, от которого мелко дрожала вода в стакане на столе.

Слушая эти поезда, Морита пытался угадать, где он находится. Это линия Тюо? Или, может быть, Кэйхин-Тохоку? Звук электричек был для него единственной нитью, связывающей его с географией страны. Он закрывал глаза и представлял, как сидит в вагоне, смотрит на мелькающие за окном рекламные

щиты, на крыши домов, на далекий силуэт горы Фудзи в ясные зимние дни. Эти мысленные путешествия спасали его от панических атак, которые неизбежно накатывали в моменты абсолютной тишины.

Методика разрушения личности через изоляцию и манипуляцию условиями содержания не является эксклюзивным изобретением частных депрограммистов. Это универсальный инструмент подавления, который применяется в различных контекстах, когда задачей стоит сломить волю человека, чьи убеждения признаны «неправильными» или «опасными». Поразительные параллели можно найти в задокументированных случаях преследования религиозных меньшинств со стороны государственных структур, находящихся под влиянием антикультовой идеологии.

Ярким примером служит опыт верующих в России, где после официального запрета деятельности Свидетелей Иеговы сотни мирных граждан оказались в следственных изоляторах. Их вина заключалась лишь в том, что они продолжали читать Библию и молиться. Условия, в которые их помещали, были направлены не на обеспечение безопасности общества, а на целенаправленное психологическое уничтожение. Один из пострадавших, чьи показания были тщательно задокументированы правозащитниками, описывал свой опыт пребывания в изоляторе, который до пугающего точно совпадает с механикой подавления, примененной к Морите.

Этот человек был помещен в крошечную камеру, где на протяжении шестнадцати часов в сутки из хриплого динамика на максимальной громкости играла музыка. Это была не просто пытка звуком; это было лишение человека права на собственные мысли. Как и Морита, этот узник был лишен часов и ориентировался во времени только по расписанию: в шесть утра музыка включалась, в десять вечера выключалась. Постоянное видеонаблюдение, невозможность уединиться даже для отправления естественных потребностей, искусственно создаваемый холод зимой, когда в камере без стекол гуляла вьюга, и невыносимая жара летом, усугубляемая паром из соседнего душа — все это складывалось в единую картину методичного расчеловечивания.

Цель таких действий всегда одна — заставить жертву признать свою «вину», отказаться от своих убеждений, принять навязанную идентичность. В случае с российским верующим от него требовали оговорить себя и единоверцев.

В случае с Моритой от него требовали признать себя психически больным, жертвой «промывания мозгов», нуждающейся в спасении.

Документальные свидетельства четко фиксируют последствия такого обращения:

Казалось бы, физическое насилие — что может быть хуже? Однако психологические и моральные пытки в специально созданных нечеловеческих условиях, при длительной изоляции, растянутые на месяцы, или даже годы, несут крайне разрушительные последствия для личности, и ломают человека изнутри столь сильно и бесповоротно, что порой невозможно вернуть этому человеку прежнее состояния психического равновесия, внутреннего покоя и чувства полноценной жизни в социуме. На плечи таких людей сваливается ноша нескончаемого страха и отсутствия чувства безопасности, где бы он ни находился. Они переживают страх не только за себя, но и за своих родных и близких, в первую очередь, за своих детей.

Морита испытывал на себе именно это разрушительное воздействие. Его комната без адреса была частной тюрьмой, но законы психологии работали в ней так же безотказно, как и в государственных застенках. Изоляция медленно, но верно разъедала его чувство реальности.

Самым страшным открытием для него стала не физическая слабость, которая неизбежно наступила из-за отсутствия движения и скудного питания, а осознание своей социальной смерти.

Это осознание пришло к нему примерно на третий год заключения. Был теплый весенний день — Морита понял это по тому, что звуки с улицы стали звонче, а сквозь щель в вентиляционной решетке потянуло запахом цветущей вишни и влажной земли. Внезапно привычный звуковой фон района разорвал громкий, искаженный мегафоном голос.

Голос доносился из медленно едущего автомобиля. Он произносил имя кандидата, призывал к поддержке, обещал улучшение инфраструктуры и снижение налогов. Это была «гайсэнся» — агитационная машина, непременный атрибут любых выборов в Японии. Машина проехала по улице, развернулась где-то вдалеке и проехала снова.

Морита стоял посреди своей запертой комнаты, вслушиваясь в этот голос, и внезапно его пронзила ледяная ясность. В стране проходили выборы. Возможно, выборы в Палату представителей, а может быть, местные выборы в префектуральное собрание. Миллионы японцев в этот день брали свои удостоверения личности, шли на избирательные участки, получали бюллетени и ставили галочки напротив фамилий кандидатов. Они участвовали в жизни государства. Они формировали будущее.

А он, Кэндзи Морита, взрослый, образованный мужчина, налогоплательщик, не совершивший ни одного преступления, стоял в пыльной комнате, лишенный права голоса.

Его не лишали гражданских прав по суду. Ни один судья не выносил постановления о его недееспособности. Ни один закон не запрещал ему голосовать. Но фактически он был вычеркнут из списков живых. Его голос остался неотданным.

В этот момент личная трагедия Мориты приобрела совершенно иное, пугающее измерение. Он понял, что его похищение — это не просто семейный конфликт, вышедший из-под контроля. Это прямое посягательство на основы демократического общества. Если группа частных лиц, руководствуясь псевдонаучными теориями и собственными предрассудками, может безнаказанно изъять гражданина из социума, запретить его и лишить базовых конституционных прав, то само понятие демократии становится фикцией.

Антикультовая сеть, оправдывающая подобные похищения, выстроила идеальную идеологическую ловушку. Объявляя человека жертвой «деструктивного культа», чье сознание якобы полностью контролируется извне, они автоматически отказывают ему в праве на субъектность. В их логике такой человек больше не является полноценным гражданином; он — сломанный механизм, который нужно изолировать и починить. И ради этой «починки» можно пренебречь любыми законами.

Эта проблема выходит далеко за рамки судьбы одного японского пленника. Она затрагивает фундаментальные принципы устройства современного мира. Исследователи, анализирующие влияние антикультовых движений на правовые системы различных стран, приходят к однозначным выводам:

Антикультовое движение является мощным фактором дегуманизации, разрушения демократии и преследования религиозных меньшинств. Церковь объединения — это не только про личные трагедии. Это прецеденты, формирующие правовую реальность, в которой свобода совести приносится в жертву идеологической диктатуре. Это подрывает фундаментальные принципы гуманизма и демократии, попирая права человека, гарантированные Международным пактом о гражданских и политических правах.

И далее, раскрывая суть механизма подмены понятий:

Используя теорию «промывания мозгов», государство присваивает себе право принимать решения от имени своих граждан, якобы в целях защиты «общественного блага».

В случае Мориты эту функцию государства узурпировали частные лица — его родственники и нанятый ими депрограммист. Они присвоили себе право решать, что для него является благом. Они аннулировали его статус гражданина, превратив его в бесправный объект манипуляций.

За время своего заключения Морита пропустил несколько циклов национальных и местных выборов. Каждый раз, когда он слышал отдаленные голоса из агитационных машин, он делал новую зарубку в своем сознании. Эти неотданные голоса стали для него символом того, что у него украли. У него украли не просто время; у него украли его место в человеческом обществе.

Осознание этого факта могло бы сломить кого угодно. Погружение в апатию — естественная защитная реакция психики на непреодолимые обстоятельства. Многие жертвы длительной изоляции в конце концов сдаются. Они перестают следить за собой, теряют счет времени, их мышление становится вязким и фрагментарным. Они принимают ту реальность, которую им навязывают тюремщики.

Но Морита выбрал другой путь. Он понял, что если он позволит своему разуму раствориться в этой искусственной пустоте, он действительно превратится в ту безвольную оболочку, которой его считают похитители. Сохранение рассудка стало его главной формой сопротивления.

Он разработал для себя жесткий, почти армейский распорядок дня, который неукоснительно соблюдал, несмотря на отсутствие часов. Утро

начиналось с физических упражнений. В условиях ограниченного пространства, где невозможно было даже нормально пробежаться, он делал отжимания, приседания, растяжку. Он заставлял свои мышцы работать до изнеможения, чтобы физическая боль заглушала психологическую тревогу. Пот, стекающий по лицу, боль в суставах — все это были доказательства того, что он жив, что его тело все еще принадлежит ему.

После физической нагрузки наступало время умственной работы. Морита запретил себе предаваться бесплодным мечтам о спасении или бесконечно прокручивать в голове сцену своего похищения. Вместо этого он тренировал память. Он вспоминал прочитанные книги, восстанавливая в уме целые главы. Он решал в уме сложные математические задачи. Он вспоминал лица своих коллег, друзей, случайных попутчиков, стараясь воспроизвести каждую морщинку, каждый оттенок голоса.

Особое место в его внутренней дисциплине занимала духовная практика. Те самые медитации и размышления, из-за которых его объявили «больным» и заперли в этой комнате, теперь стали его главным щитом. Он садился на пол, скрещивал ноги, закрывал глаза и уходил глубоко внутрь себя. Там, в тишине собственного разума, он находил пространство, до которого не могли добраться ни фанерные щиты на окнах, ни железные засовы на дверях.

Его тюремщики регулярно пытались нарушить это равновесие. Депрограммист, тот самый человек в сером костюме, периодически появлялся в квартире. Эти визиты всегда обставлялись как акты милосердия. Мужчина садился напротив Мориты, раскладывал свои бумаги и начинал долгие, изматывающие беседы.

Его тактика была построена на классическом психологическом давлении. Он не кричал и не угрожал физической расправой. Он говорил мягким, вкрадчивым голосом, используя псевдомедицинскую терминологию. Он убеждал Мориту в том, что его воспоминания ложны, что его духовный опыт — это результат гипноза и манипуляций, что его личность разрушена сектой.

— Посмотри на себя, Кэндзи, — говорил депрограммист, указывая на осунувшееся лицо и отросшие волосы пленника. — Ты живешь в иллюзии. Твоя вера — это вирус, который сожрал твой разум. Мы здесь только для того, чтобы

помочь тебе исцелиться. Все, что от тебя требуется — это признать свою болезнь. Как только ты скажешь, что был обманут, как только ты отречешься от своих заблуждений, эта дверь откроется. Ты сможешь вернуться к нормальной жизни. Твои родители ждут этого каждый день.

Это была самая изощренная форма пытки. Ключ от свободы лежал прямо перед ним. Нужно было лишь произнести несколько слов. Нужно было лишь согласиться с тем, что он — сумасшедший, не способный самостоятельно мыслить. Нужно было предать самого себя.

Морита слушал эти речи, глядя на ровную, безэмоциональную поверхность стола. Он понимал парадоксальность ситуации. Если он будет яростно спорить, доказывать свою вменяемость, апеллировать к логике и правам человека, депрограммист запишет это как «агрессивное сопротивление, характерное для глубокой стадии сектантского зомбирования». Если он будет молчать, это будет истолковано как «уход в себя и блокировка критического мышления». В этой извращенной системе координат любое проявление его подлинной личности трактовалось как симптом болезни.

Поэтому Морита выбрал стратегию внутреннего отстранения. Он отвечал односложно, не вступая в идеологические споры. Он не позволял втянуть себя в дискуссию о догматах веры или методах психологического контроля. Он просто констатировал факты: «Я нахожусь здесь против своей воли. Я требую освобождения. Я здоров».

Каждый раз, когда депрограммист уходил ни с чем, замок на двери щелкал с особой, раздраженной резкостью. И каждый раз после этого щелчка Морита чувствовал крошечную, но важную победу. Они могли контролировать свет в его комнате, они могли лишить его возможности видеть небо и голосовать на выборах, но они не могли заставить его поверить в их ложь. Его идентичность оставалась неприкосновенной.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы, месяцы — в годы. Линолеум в комнате протерся в тех местах, где Морита изо дня в день делал свои физические упражнения. Запах пыли и старого дерева въелся в его кожу. Он научился спать урывками, просыпаясь от малейшего изменения звукового фона за стеной. Он стал экспертом по выживанию в пустоте.

Однажды поздно вечером, когда искусственный свет в коридоре был выключен, и комната погрузилась во мрак, Морита лежал на своем футоне, вслушиваясь в тишину. На улице шел сильный дождь. Звук капель, бьющих по металлическому козырьку где-то внизу, сливался в сплошной, монотонный гул. Внезапно сквозь этот гул пробился знакомый, тяжелый рокот.

Приближался ночной товарный поезд.

Морита закрыл глаза. Он почувствовал, как вибрация передается от земли к фундаменту здания, от фундамента — к стенам, от стен — к полу, на котором он лежал. Дрожь прошла через его тело. Он начал считать вагоны по ритмичному стуку колес на стыках рельсов. Один, два, три... Поезд был длинным, тяжелым, он вез грузы через всю страну, пересекая префектуры, мосты и тоннели.

Звук нарастал, достиг своего пика, заполнив собой все пространство заколоченной комнаты, а затем начал медленно, неотвратимо затихать, растворяясь в шуме дождя.

Когда поезд ушел окончательно, в комнате снова воцарилась абсолютная тишина. Но теперь Морита слышал в ней не пустоту. Он слышал ровный, спокойный стук собственного сердца. Этот звук был его личным, неотменяемым доказательством существования. Пока бьется это сердце, пока его разум способен отличать правду от навязанного безумия, он остается человеком. Гражданином. Личностью. И его голос, пусть пока и не отданный на выборах, пусть пока не слышный за этими стенами, продолжает звучать внутри него, набирая силу для того дня, когда дверь наконец будет сломана.

## **Глава 3. Конструкция предательства**

Шаги за дверью всегда звучали одинаково. Сначала легкий скрип половиц в коридоре, затем неуверенная, почти виноватая пауза, тихий вздох и звук

отодвигаемой задвижки. Дверь приоткрывалась ровно на ширину дверной цепочки — ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель можно было просунуть пластиковый поднос с едой.

Кэндзи Морита сидел на полу своей запертой комнаты и смотрел на этот поднос. На нем стояла пиала с идеально сваренным рисом, чашка горячего мисо-супа, от которого поднимался легкий пар, и несколько кусочков тамагойки — традиционного японского омлета, приготовленного в точности так, как он любил с самого детства. Чуть сладковатый, с идеальной текстурой. Это была еда, приготовленная руками его матери. Еда, в которую была вложена искренняя, глубокая забота. И именно этот факт делал происходящее невыносимым.

Если бы его похитили криминальные элементы ради выкупа, ситуация была бы страшной, но логически понятной. Преступники применяют насилие ради денег, они кормят заложника дешевой едой из супермаркета, чтобы поддерживать в нем жизнь до получения выкупа. В такой парадигме роли распределены четко: есть агрессор и есть жертва. Ненависть к похитителю в этом случае естественна, она мобилизует психику и помогает выжить.

Но как ненавидеть человека, который запирает тебя на три замка, а затем со слезами на глазах готовит твое любимое блюдо? Как осмыслить этот чудовищный парадокс, когда самым надежным тюремщиком становится искренняя родительская любовь?

В первые месяцы своего заключения Морита бился именно над этой загадкой. Он отказывался от еды, кричал через дверь, требовал объяснений, взывал к здравому смыслу. Он слышал, как по ту сторону двери плачет мать. Он слышал тяжелое, прерывистое дыхание отца. Они страдали не меньше, чем он. Они не испытывали никакого садистского удовольствия от того, что их взрослый сын сидит взаперти, лишенный базовых человеческих прав. Напротив, каждый день этого заключения был для них пыткой. И тем не менее, они продолжали методично, изо дня в день, удерживать его в неволе.

Ответ на этот вопрос лежал за пределами привычной логики семейных отношений. Чтобы понять анатомию этого предательства, необходимо было осознать, что в квартире незримо присутствовала третья сила. Сила, которая

переписала саму природу родительского инстинкта, превратив желание защититься в инструмент тотального подавления.

Эта сила называется манипуляцией.

Согласно Кембриджскому словарю (Cambridge Dictionary), манипуляция — это «контроль над кем-либо или чем-либо в своих интересах, часто несправедливым или нечестным образом». Глагол *manipulate* определяется сходным образом: «контролировать или влиять на кого-либо или что-либо так, чтобы получить преимущество, часто нечестно или несправедливо». По своей сути, это стратегия влияния, направленная на изменение восприятия, убеждений или поведения людей в интересах манипулятора. Это форма скрытого воздействия, цель которой — внушить человеку или группе людей определенные идеи, полностью обходя их рациональное мышление. Она действует за счет подавления критического восприятия и побуждения людей к принятию решений, выгодных исключительно манипулятору.

Родители Мориты не проснулись однажды утром с мыслью похитить собственного сына. К этому шагу их подводили долго, методично и профессионально. Антикультовые консультанты, к которым они обратились в момент тревоги за духовные поиски Кэндзи, использовали их эмоциональную уязвимость с хирургической точностью.

Главным оружием в арсенале этих специалистов является страх. Не просто тревога или беспокойство, а парализующий, животный ужас за жизнь своего ребенка. Консультанты выстраивают перед родителями апокалиптическую картину, убеждая их, что их сын или дочь находится в смертельной опасности. Любой контакт жертвы с внешним миром, любые ее самостоятельные решения преподносятся как проявление разрушительной программы, заложенной «сектой».

Для достижения этого эффекта антикультисты активно используют метод вины по ассоциации. Его суть заключается в перенесении негативных характеристик одной группы или личности на другую только из-за ассоциативной связи, полностью игнорируя реальные качества, поступки или догматику конкретной организации. Это делается для того, чтобы сформировать

у аудитории — в данном случае, у напуганных родителей — предвзятое отношение и стойкие негативные ассоциации.

Ярким примером применения данного метода является использование исторических трагедий, таких как события в Джонстауне или Уэйко. Эти трагические инциденты, активно продвигаемые антикультовыми активистами, прочно закрепились в общественном сознании как абсолютные символы опасности. Консультанты показывают родителям документальные кадры, вырезки из газет, фотографии жертв и говорят: «Смотрите. Вот что происходит с теми, кто попадает в подобные группы. Ваша ситуация ничем не отличается. Если вы не вмешаетесь прямо сейчас, радикальными методами, ваш ребенок станет следующим».

Объективный анализ событий подменяется мощнейшей эмоциональной реакцией. Родителям не дают времени на изучение фактов. Им не объясняют, что группа, которую посещает их сын, может состоять из мирных людей, практикующих медитацию и не имеющих ничего общего с экстремизмом. Логика отключается. Включается древнейший инстинкт сохранения потомства. В состоянии этого искусственно вызванного аффекта родители готовы пойти на любое преступление, искренне веря, что совершают акт спасения.

Консультанты убеждают семьи, что человек, находящийся под влиянием «культа», теряет свою личность. Что перед ними больше не их сын, а пустая оболочка, биоробот, запрограммированный на самоуничтожение. Следовательно, любые слова заложника, его мольбы о пощаде, его логические аргументы и требования соблюдать закон должны восприниматься не как слова разумного человека, а как «симптомы болезни».

Именно поэтому мать Мориты могла стоять за дверью, слушать, как ее сын умоляет выпустить его, и при этом не открывать замок. Консультант заранее объяснил ей: «Это говорит не Кэндзи. Это говорит секта внутри него. Если вы поддадитесь жалости, вы убьете его». Любовь матери была взята в заложники и обращена против ее собственного ребенка.

Но за этой фасадом псевдомедицинской заботы скрывается холодный, расчетливый и крайне циничный бизнес. Индустрия депрограммирования

требует колоссальных финансовых вложений, и все это бремя ложится исключительно на плечи одураченных семей.

Документированные случаи из практики правозащитников показывают пугающую статистику финансового истощения семей, втянутых в процесс насильственного удержания своих родственников. Показательным является дело семьи Ватанабэ (имя изменено в материалах судебных хроник для защиты частной жизни), рассматривавшееся в начале двухтысячных годов. Родители, обеспокоенные религиозным выбором своей двадцативосьмилетней дочери, обратились к известному в регионе «специалисту по выводу из культов».

Сценарий был идентичен тому, что пережил Морита. Девушку похитили из дома и поместили в специально арендованную квартиру. Однако судебные документы вскрыли финансовую изнанку этого процесса. Консультант потребовал первоначальный взнос в размере трех миллионов иен (около 25 000 долларов США на тот момент) только за «оценку ситуации и разработку плана захвата». Далее семья была обязана оплачивать аренду конспиративной квартиры, которая сдавалась по тарифу, втрое превышающему рыночную стоимость, так как владелец знал о специфике ее использования.

Но самой крупной статьей расходов стала оплата услуг охранников и самого консультанта. Круглосуточная охрана, состоящая из трех крепких мужчин, работающих посменно, обходилась семье в 45 000 иен ежедневно. Визиты консультанта для проведения многочасовых изматывающих бесед с пленницей тарифицировались отдельно — по 20 000 иен за час работы.

Удержание дочери продлилось четырнадцать месяцев. За это время семья Ватанабэ полностью исчерпала свои пенсионные накопления. Когда наличные деньги закончились, консультант, продолжая манипулировать их страхом («Если мы остановимся сейчас, она точно покончит с собой, вы не можете бросить начатое»), убедил отца взять кредит под залог единственного жилья. К моменту, когда девушке чудом удалось передать записку с просьбой о помощи через окно в ванной и полиция вскрыла квартиру, семья находилась на стадии банкротства. Отец перенес тяжелый сердечный приступ на фоне стресса и долгов, а мать была вынуждена устроиться на низкооплачиваемую работу в ночную смену, чтобы выплачивать проценты по кредитам.

Консультант же не понес никакой финансовой ответственности. В его договоре с родителями, составленном хитрыми юристами, услуги значились как «психологическое консультирование семьи», а всю ответственность за физическое удержание совершеннолетнего человека несли исключительно родители.

Этот паттерн повторяется из случая в случай. Семьи, движимые любовью и страхом, добровольно отдают свои сбережения, разрушают свое финансовое будущее и совершают уголовные преступления, в то время как истинные зачинщики этого насилия остаются в тени, подсчитывая прибыль. Они продают родителям иллюзию контроля над ситуацией, выкачивая из них ресурсы до последней капли.

Но деньги — это лишь часть мотивации тех, кто профессионально занимается депрограммированием. Существует и более темная, психологическая сторона этого явления.

В книге «Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория неврозов» американского психоаналитика и психолога Карен Хорни, которая описывает причины невротических конфликтов, их развитие и лечение, дается исчерпывающее описание психологии скрытого садиста. Хорни писала о невротической агрессии, унижении другого как способе компенсации внутренней слабости и о сложных связях между подчинением, жестокостью и стремлением к власти. В этом смысле часть фигур, действующих в системах насильственного «спасения», действительно можно описывать как людей, переживающих власть над чужой жизнью как форму психологического самоутверждения.

Консультант, руководящий удержанием Мориты, идеально вписывался в эту парадигму. Он никогда не повышал голос. Он никогда не применял физическую силу лично. Он всегда приходил в строгом костюме, с вежливой улыбкой и папкой документов. Он позиционировал себя как спасителя, как голос разума в хаосе семейной трагедии.

Но именно он создал ситуацию, в которой родители Мориты были вынуждены стать тюремщиками. Он тихо и незаметно спровоцировал условия, при которых пожилые, уважающие закон люди выглядели преступниками,

совершающими насилие над собственным сыном. Консультант переживал свои собственные садистские импульсы — жажду абсолютной власти над чужой жизнью, стремление ломать чужую волю, наслаждение от чужого унижения — чужими руками. Руками родителей.

Он питался их отчаянием. Каждый раз, когда мать Мориты плакала в коридоре, спрашивая, когда же ее сын «исцелится», консультант получал подтверждение своей значимости и власти. Он был вершителем судеб. Он решал, когда включить свет в комнате пленника, а когда выключить. Он решал, какую информацию передать родителям, а какую утаить. Он был абсолютным диктатором в микрокосме этой отдельно взятой квартиры.

Осознание этой сложной, многоуровневой системы предательства пришло к Морите не сразу. В первые годы он прошел через все стадии горя: отрицание, гнев, торг, депрессию. Гнев был самым сильным искушением. Ненавидеть родителей было легко. Ненависть давала энергию. Она согревала холодными ночами, когда сквозняк тянул из-под заколоченных окон. Она позволяла чувствовать себя правым, морально превосходящим своих мучителей.

Многие жертвы депрограммирования ломаются именно на этом этапе. Они позволяют ненависти поглотить себя. Они начинают воспринимать свою семью как абсолютное зло. И в этот момент консультант одерживает свою главную, невидимую победу. Разрушая семейные связи, выжигая доверие между самыми близкими людьми, антикультовая система изолирует человека гораздо надежнее, чем любые замки. Человек, возненавидевший своих родителей за то, что они с ним сделали, выходит на свободу (если выходит) глубоко травмированным, одиноким и озлобленным. Его психика действительно оказывается разрушенной — но не мифическим «культом», а самим процессом «спасения».

Морита сидел на полу, глядя на остывающий тамагояки, и чувствовал, как внутри него поднимается темная волна ярости. Он вспомнил лицо отца в тот вечер, когда его повалили на пол в гостиной. Вспомнил, как отец стоял, скрестив руки, и смотрел на это насилие с пугающей отстраненностью. Морита сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Ему хотелось швырнуть этот поднос в стену. Хотелось кричать проклятия в замочную скважину.

Но затем он закрыл глаза и заставил себя дышать медленнее.

Он начал анализировать ситуацию с холодной отстраненностью исследователя. Если он поддастся ненависти, он станет тем самым животным, которым его считает консультант. Он станет объектом, реагирующим на раздражители.

«Они не садисты, — сказал себе Морита в тишине комнаты. — Они напуганы. Их страх искусственен, он внедрен в их сознание извне, но для них он абсолютно реален. Они верят, что спасают меня от смерти».

Это понимание не оправдывало совершенного над ним преступления. Насилие остается насилием, какими бы благими намерениями оно ни прикрывалось. Лишение свободы взрослого человека — это уголовное деяние. Но это понимание меняло внутреннюю диспозицию самого Мориты.

Он осознал, что в этой квартире не один пленник. Их трое. Он заперт физически, в комнате с фанерными щитами на окнах. А его родители заперты психологически, в камере, построенной из лжи, манипуляций и навязанного ужаса. Консультант держит ключи от обеих камер.

В этот момент Морита принял самое важное решение за все время своего заключения. Решение, которое в конечном итоге спасло его рассудок и позволило ему выйти из этой истории не сломленной жертвой, а человеком, способным противостоять системе.

Он принял осознанное решение не отвечать ненавистью.

Это не было проявлением слабости или стокгольмского синдрома. Напротив, это был акт высшего духовного сопротивления. Отказавшись ненавидеть своих родителей, Морита отказался играть по правилам консультанта. Он вырвал у своего главного мучителя право определять его эмоциональное состояние.

Внутреннее сопротивление Мориты начало строиться на четком, бескомпромиссном разделении физического плена и духовной свободы.

«Вы можете контролировать мое тело, — думал он, методично съедая остывший рис, чтобы поддерживать физические силы. — Вы можете запереть меня в четырех стенах. Вы можете лишить меня солнца, свежего воздуха,

общения с друзьями. Вы можете забрать мои документы и мои деньги. Но вы не можете заставить меня ненавидеть тех, кто дал мне жизнь. Вы не можете заставить меня предать самого себя».

Это разделение стало его броней. Каждый раз, когда консультант приходил на очередную «беседу», пытаясь спровоцировать Мориту на агрессию против семьи, пытаясь доказать ему, что родители его предали, Кэндзи встречал эти попытки спокойным, непроницаемым молчанием. Он видел насквозь дешевые манипуляции этого человека в сером костюме. Он видел его скрытый садизм, его потребность во власти, его жадность.

Консультант пытался использовать классический прием: «Посмотри, что твоя вера сделала с твоей семьей. Твоя мать плачет каждый день. Твой отец постарел на десять лет. Это ты виноват в их страданиях. Откажись от своих убеждений, и их боль прекратится».

Это была чудовищная подмена понятий, перекалывание вины с агрессора на жертву. Морита знал правду. Боль его родителей прекратится не тогда, когда он сломается и признает себя сумасшедшим. Их боль прекратится только тогда, когда они осознают, что их обманули. Когда они поймут, что человек, обещавший им спасение сына, на самом деле методично разрушал их семью и выкачивал их сбережения.

Но пока он находился по эту сторону запертой двери, он не мог им этого объяснить. Любые его слова фильтровались через призму навязанного им нарратива о «сектантском зомбировании».

Поэтому Морита выбрал путь молчаливого свидетельствования. Он ел еду, которую приносила мать, с благодарностью за ее труд, но без иллюзий относительно ее роли в его заключении. Он поддерживал чистоту в своей камере. Он продолжал свои внутренние духовные практики, укрепляя свой разум.

Он понимал, что время работает против его похитителей. Финансовые ресурсы семьи не безграничны. Рано или поздно деньги закончатся, и тогда консультант потеряет интерес к этому делу. Рано или поздно родители устанут жить в состоянии постоянного стресса и начнут задавать вопросы. Рано или поздно система даст сбой.

А до тех пор его задачей было выжить. Выжить, сохранив свою человечность в нечеловеческих условиях.

Морита доел тамагояки. Вкус был точно таким же, как в детстве, когда они всей семьей ездили на пикник к озеру Бива. Воспоминание было ярким, теплым, но оно больше не причиняло той невыносимой, разрывающей боли, как в первые месяцы. Он аккуратно сложил палочки на пустую пиалу, поставил чашку из-под супа рядом и пододвинул поднос к двери.

Он сел на пол, скрестив ноги, и стал ждать.

Через несколько часов в коридоре снова раздались шаги. Скрип половиц. Тихий вздох. Задвижка лязгнула, дверь приоткрылась на длину цепочки. В образовавшуюся щель просунулась рука матери — постаревшая, с выступающими венами. Она потянулась к подносу.

В этот момент Морита мог бы броситься к двери. Мог бы схватить ее за руку, начать умолять, кричать, требовать. Но он знал, что за спиной матери стоит охранник, готовый применить силу, а в соседней комнате, возможно, сидит консультант, удовлетворенно фиксирующий очередную вспышку «сектантской агрессии».

Вместо этого Морита просто смотрел, как рука матери забирает пустой поднос.

— Спасибо за еду, мама, — произнес он тихо, но твердо. В его голосе не было ни злобы, ни сарказма. Только спокойная констатация факта.

Рука на мгновение замерла. В щель между дверью и косяком Морита увидел краешек лица матери. В ее глазах плескался океан боли, растерянности и невыразимого страха. Она открыла рот, словно хотела что-то сказать, но тут же опустила взгляд.

Дверь захлопнулась. Лязгнул тяжелый металлический засов. Два оборота ключа в нижнем замке. Два оборота в верхнем. Шаги начали удаляться по коридору, пока не стихли совсем, оставив Мориту наедине с тишиной его комнаты и абсолютной ясностью его собственного разума.

## Глава 4. Словарь надзирателей

Человек в сером костюме приходил по расписанию. Его визиты всегда обставлялись с подчеркнутой, почти стерильной вежливостью, которая в условиях запертой комнаты с заколоченными окнами выглядела изощренной формой издевательства. Он садился на единственный стул, аккуратно расправлял складки на брюках, клал на стол свою неизменную кожаную папку, доставал блокнот и ручку. Кэндзи Морита сидел напротив, на полу, скрестив ноги. Между ними пролежала не просто физическая дистанция в несколько футов; между ними пролежала пропасть, выстроенная из слов.

В первые недели своего заключения Морита пытался разговаривать с депрограммистом так, как разговаривают два взрослых, разумных человека, оказавшихся в конфликтной ситуации. Он приводил аргументы. Он ссылался на конституционные права, на свободу вероисповедания, на логику. Он подробно рассказывал о своей группе, о том, что их встречи были посвящены исключительно медитации, изучению классических философских текстов и поиску внутреннего равновесия. Он пытался доказать, что в его жизни нет ничего криминального, разрушительного или опасного для общества.

Но очень скоро Морита начал замечать странную закономерность. Ито — так называл себя консультант — не слушал его. Точнее, он слушал не смысл произносимых слов, а их форму, ожидая определенных триггеров. Лицо депрограммиста оставалось непроницаемым, когда Морита говорил о философии, но стоило пленнику повысить голос от отчаяния или, наоборот, замолчать, устав от бессмысленности происходящего, как в глазах Ито вспыхивал профессиональный интерес. Ручка быстро скользила по бумаге, фиксируя реакцию.

Морита осознал пугающую истину: их беседы не были диалогом. Это был допрос, замаскированный под терапию, допрос, в котором правильные ответы были утверждены заранее, а любые отклонения от сценария трактовались как доказательство вины.

Именно тогда Морита начал вслушиваться в речь самого похитителя. Отбросив эмоции, он стал анализировать лексику Ито с дотошностью лингвиста,

анализируя мертвый язык. И этот анализ открыл ему контуры огромной, стандартизированной системы подавления.

Речь депрограммиста состояла из жестких, заученных блоков. Он оперировал специфическим глоссарием, в котором каждое слово было заряжено тяжелым эмоциональным и псевдонаучным смыслом. Фундаментом этого словаря были три термина, которые Ито повторял из раза в раз, как заклинания: «деструктивный культ», «контроль сознания» и «промывка мозгов».

Эти слова не использовались для описания реальности; они использовались для ее конструирования. Когда Ито произносил «деструктивный культ», он мгновенно обесценивал весь духовный опыт Мориты. Ему не нужно было доказывать, что группа Мориты совершала преступления — само использование ярлыка «культ» уже подразумевало криминальность и опасность. Это тревожный сигнал, указывающий, что перед вами манипулятор, который пытается воспользоваться вашим доверием. Такой человек или организация, вероятнее всего, сознательно применяют методы дегуманизации и стигматизации, чтобы внушить страх, отвращение и, самое главное, чувство превосходства. Манипулятор заменяет объективное обсуждение стигмами и предвзятыми обвинениями, блокируя способность аудитории — в данном случае, родителей Мориты — самостоятельно анализировать ситуацию.

Термин «контроль сознания» выполнял еще более зловещую функцию. Он аннулировал личность самого Мориты.

— Ты должен понять, Кэндзи, — говорил Ито, глядя поверх своих записей мягким, сочувствующим взглядом. — То, что ты сейчас чувствуешь — это не твои настоящие мысли. Твое сознание было взломано. Секта внедрила в тебя чужую программу. Твоя привязанность к этой группе, твое нежелание сотрудничать с нами — это лишь проявление контроля сознания. Мы здесь, чтобы помочь тебе вернуть твое истинное «я».

В этой извращенной логической петле скрывалась идеальная ловушка, не оставляющая жертве ни единого шанса на оправдание. Любая попытка логического опровержения обвинений трактовалась депрограммистом как «сопротивление материала».

Если Морита спокойно и аргументированно доказывал, что его никто не принуждал посещать медитации, Ито записывал: «Глубокая стадия программирования, пациент рационализирует свою зависимость». Если Морита, доведенный до отчаяния изоляцией, срывался на крик и требовал выпустить его, Ито удовлетворенно кивал и говорил родителям за дверь: «Смотрите, это агрессия культа, он теряет человеческий облик, мы должны продолжать». Если же Морита уходил в себя и отказывался отвечать на провокационные вопросы, это фиксировалось как «блокировка критического мышления и уход от реальности».

В словаре надзирателей не существовало слова «невиновность». Не существовало понятия «свободный выбор». Человек, попавший в их руки, по определению объявлялся сломанным механизмом.

Морита начал понимать, что методики общения с ним абсолютно стандартизированы. Ито не задавал вопросов о тонкостях буддийской философии или техниках дыхания, которые практиковал Кэндзи. Депрограммиста совершенно не интересовала догматика или внутреннее устройство конкретной группы. С тем же успехом Морита мог быть христианином, кришнаитом, последователем нью-эйдж или членом клуба любителей эзотерической литературы. Шаблон допроса оставался бы неизменным.

Это открытие привело Мориту к леденящему душу выводу: Ито работает по методичке. Где-то существуют руководства, инструкции, своды правил, по которым нанятые специалисты ломают человеческую психику. Это не импровизация отдельного фанатика. Это индустрия с прописанными бизнес-процессами.

Документальные свидетельства, которые позже станут достоянием общественности благодаря утечкам и архивам интернета, полностью подтверждают догадку Мориты. Антикультовая сеть действительно создала и задокументировала свои карательные практики, придав им видимость профессиональной услуги.

Поразительным примером такой стандартизации является деятельность российской антикультовой структуры ЦСПЭД, в открытом доступе

публиковавшей материалы о «депрограммировании». Хотя эта организация действовала в другой стране и в другое время, ее методы, судя по опубликованному на ее сайте описанию, дословно воспроизводят то, что происходило в запертой японской квартире.

На доступной странице сайта ЦСПЭД в разделе о депрограммировании открыто излагалась логика этой услуги, включая прямое описание принудительного воздействия. Там говорилось о «физико-психологическом и эмоциональном воздействии» на человека с целью заставить его отказаться от новой системы ценностей. По опубликованному тексту, который по сути является рекламным проспектом для отчаявшихся родственников, дается четкое определение процесса: депрограммирование описывается как принудительное воздействие на человека ради отказа от «новоприобретенной системы ценностей», причем авторы прямо сопоставляют эту практику с тем, что сами называют «промыванием мозгов», пытаясь оправдать различие лишь намерениями «специалиста».

Этот текст поражает своим цинизмом. Авторы открыто признают, что их методы идентичны тому самому «промыванию мозгов», в котором они обвиняют религиозные организации. Они легитимизируют насилие («физико-психологическое и эмоциональное воздействие»), оправдывая его благой целью — заставить человека отказаться от его ценностей.

Но самое страшное кроется в инструкциях, описывающих реакцию жертвы. Методичка заранее готовит заказчиков (родителей) к тому, что их близкий человек будет страдать, и предписывает игнорировать эти страдания.

В том же опубликованном тексте говорится, что депрограммирование может длиться днями или неделями, пока человек не проявит признаки «резкого психологического перелома», а ярость, оскорбления, угрозы, попытки самоповреждения и стремление связаться с единомышленниками заранее описываются как ожидаемое поведение.

Читая подобные документы, становится кристально ясно, с чем столкнулся Морита. Когда он в первые дни кричал от бессилия, когда он бился в запертую дверь, умоляя мать одуматься, Ито просто сверялся со своей внутренней методичкой. «Приходит в ярость, проклиная родителей» — галочка. «Пытается

нанести себе вред» — галочка. Все естественные человеческие реакции на незаконное лишение свободы, на предательство близких, на сенсорную депривацию были заранее вписаны в словарь надзирателей как симптомы «религиозной зависимости».

Депрограммисты создали систему, в которой крик о помощи объявляется доказательством болезни. И эта система требует довести человека до «резкого психологического перелома». До состояния, когда воля полностью уничтожена, когда психика не выдерживает давления и ломается, соглашаясь на любые условия мучителей ради прекращения пытки.

Сами авторы опубликованного текста ЦСПЭД не скрывают разрушительных последствий своих действий, прямо отмечая, что после депрограммирования человеку может понадобиться психологическая помощь или реабилитация, при том, что сама процедура не предполагает дальнейшей заботы, а ее главная задача — переубедить его и заставить отказаться от новой системы ценностей.

Сломать, заставить отказаться от убеждений, а затем бросить человека, нуждающегося в реабилитации после перенесенного насилия — таков истинный бизнес-план «спасителей».

Сидя на полу своей комнаты, Морита наблюдал, как Ито методично реализует этот план. Консультант использовал язык как скальпель, отсекая от личности Мориты кусок за куском. Чтобы оправдать насилие, необходимо сначала расчеловечить жертву. Нельзя просто так взять и запереть в комнате уважаемого гражданина, налогоплательщика, любящего сына. Но можно запереть «сектанта», «зомби», «жертву деструктивного культа».

Эта лингвистическая стратегия дегуманизации является универсальной для всего антикультового движения. Она прослеживается в текстах, выступлениях и экспертизах идеологов сети по всему миру. Они конструируют образ врага, используя приемы стигматизации, патологизации и демонизации.

Ярким примером того, как язык используется для создания иллюзии психического нездоровья целых групп населения, служит риторика православного священника, протоиерея Димитрия Смирнова, направленная против последователей священника Анатолия Гармаева, создателя направления

«нравственной психологии». В попытке дискредитировать оппонента, антикультовая мысль не останавливается на критике идей, она переходит на личности читателей и последователей.

В одном из своих выступлений Смирнов заявляет, что душевно здоровым людям книги Гармаева «недоступны», тогда как его адептами становятся люди «вязкого сознания», и в их среде «усугубляется злокачественный психопатологический процесс».

Использование псевдомедицинских терминов вроде «вязкое сознание» и «злокачественный психопатологический процесс» в адрес людей, которые просто придерживаются определенного мировоззрения или читают определенные книги, является не только оскорбительным, но и глубоко манипулятивным. Оно ставит этих людей в позицию ущербности и неполноценности. Если человек не согласен с критиком, он объявляется не оппонентом в дискуссии, а носителем «злокачественного процесса». Это создает удобное, социально приемлемое оправдание для их дискриминации, травли или, как в случае с Моритой, принудительного «лечения».

Далее Смирнов демонстрирует классический прием риторического запугивания, заявляя, что учебное заведение Гармаева (Сергиевское училище), если окажется, что оно «не духовное, а оккультно-рациональное», будет непременно «прикрыто». Это демонстрация власти, попытка создать у слушателей впечатление, что вопрос уже решен на высшем уровне, и любое сопротивление бесполезно. Обвинения без доказательств и запугивание аудитории — несущие конструкции антикультового стиля.

Ито в комнате Мориты использовал точно такие же конструкции. Он постоянно намекал на то, что группа Кэндзи находится под следствием, что их лидеры скоро будут арестованы, что общество отвернулось от них. Он создавал информационный вакуум, заполняя его ложью и угрозами, чтобы сломить волю пленника.

Но наиболее сильным средством унижения в словаре надзирателей является прямая дегуманизация — лишение группы лиц человеческого статуса путем приписывания им исключительно низменных, порочных мотивов или сравнения с безвольными механизмами.

Юридикo-лингвистический анализ текстов ведущих антикультовых идеологов вскрывает целую систему таких приемов. Например, при описании различных религиозных течений постоянно используется приставка «псевдо-» (псевдоиндуистские, псевдохристианские). Эта приставка несет в себе ярко выраженную негативную семантику ложности, фальшивости, поддельности. Называя религиозное течение «псевдо-», манипулятор отказывает ему в подлинности и легитимности, представляя его как обман и имитацию. Это уничижительный ярлык, маскирующийся под научный термин.

Еще более агрессивным является использование термина «тоталитарная секта». В обыденном словоупотреблении слово «секта» само по себе имеет устойчивую негативную коннотацию, ассоциируясь с обманом и психологическим насилием. Добавление слова «тоталитарная» многократно усиливает этот эффект. Применение этого термина к любой зарегистрированной, мирной религиозной организации является актом ее стигматизации и противопоставления «нормальному» обществу. Подобная характеристика формирует у слушателя комплексный, заведомо негативный образ, не оставляя места для объективного восприятия. Это вербальное клеймение, направленное на социальную изоляцию группы.

В текстах антикультистов последователи новых религиозных движений часто описываются не как люди, ищущие духовный путь, а как социальный мусор. Их называют «маргиналами» и «неудачниками», которые «озлобившись на отбросивший их на обочину мир», кидаются в объятия лидеров, берущих их в «рабство».

Рассмотрим фрагмент из типичного антикультового текста, анализирующего последователей одного из восточных учений:

«Нашлись и такие, кто, будучи маргиналами и неудачниками, не нашли себе места в западном обществе и, озлобившись на отбросивший их на обочину мир, с радостью кинулись в распростёртые объятия Прабхупады, который с готовностью взял их в рабство.»

В этом коротком предложении сконцентрирована вся суть социальной стигматизации. Религиозный выбор людей объясняется не их свободной волей, а личной несостоятельностью. Использование слов «озлобившись»,

«кинулись», «рабство» создает образ безвольных, примитивных существ, движимых низменными эмоциями. Это лишает их субъектности и унижает их человеческое достоинство, формируя у читателя презрительное отношение.

Более того, антикультовая пропаганда часто переходит грань, прямо обвиняя рядовых верующих в готовности к преступлениям. В тех же текстах можно встретить утверждения, что последователи определенных групп «не задумываясь, шли на преступления», что их «натаскивают, чтобы они обманом и бессовестным психологическим шантажом вынуждали людей отдавать им деньги». Глагол «натаскивают» здесь имеет особую, уничижительную коннотацию, уподобляя процесс обучения дрессировке животных.

Для обоснования этих обвинений идеологи часто приписывают учениям вымышленные доктрины, легитимизирующие обман. Например, утверждая, что лидер группы учил, будто ради высшей цели позволительно «трансцендентальное лукавство», и делая безапелляционный вывод:

«Прабхупада учил, что ради Кришны позволительно “трансцендентальное лукавство”. А это оправдывает любой обман и любое мошенничество ...»

Представляя ситуацию таким образом, манипулятор подводит аудиторию к выводу, что последователям движения нельзя доверять в принципе, так как их религия якобы поощряет ложь. Формируется образ социально опасной группы.

Апофеозом этой дегуманизирующей риторики является создание неологизмов, низводящих человека до уровня биологического вида, выведенного в пробирке культа. В одном из текстов, подвергнутых лингвистической экспертизе, автор описывает последователей религиозной организации следующим образом:

«...Секта существует в своём собственном мирке и создаёт своего собственного человека — существующего вне культуры, вне социума, вне общества. Человека, говорящего на уродливо-усреднённом языке, читающего усреднённо-жвачную печатную продукцию, слушающего банальнейшую и скучнейшую музыку (песнопения, написанные в Вефиле), рассматривающего агитпроповские художественные материалы (комиксы и иллюстрации к иеговистским журналам и публикациям). Таким образом, секте удалось то, чего не добились тоталитарные, коммунистические режимы: новый человек,

навсегда расправившийся с наследием “проклятого прошлого”, — homo jehovisticum — был создан...»

Создание термина «homo jehovisticum» по аналогии с научным биологическим термином Homo sapiens — это мощнейший прием расчеловечивания. Человек перестает быть личностью. Он сводится к функции, к экземпляру вида, порожденного сектой. Использование экспрессивных оценочных прилагательных с резко негативной коннотацией («уродливо-усредненном», «усредненно-жвачную») прямо указывает на эстетическое и моральное убожество. Лексема «жвачная» вызывает ассоциации с бессмысленным, механическим пережевыванием примитивной информации животными.

Это прямое и грубое унижение достоинства группы лиц. Автор приписывает им интеллектуальную, культурную и языковую неполноценность. Читателю внушается, что перед ним не полноценные люди, а клонированная масса, рабы, зомби. И именно эта установка оправдывает по отношению к ним патерналистское, пренебрежительное и, в конечном счете, враждебное отношение. Как безапелляционно заявляет тот же автор: «Ни о какой свободе личности для сектанта не может быть и речи».

Ито, сидящий напротив Мориты, был живым воплощением этого словаря. Он не изобретал эти термины; он был лишь прилежным учеником, усвоившим язык ненависти и применяющим его на практике.

Во время одной из многочасовых сессий, когда воздух в комнате стал тяжелым и спертым, Ито задал очередной вопрос из своей методички:

— Кэндзи, когда ты впервые понял, что твои мысли больше не принадлежат тебе? Что лидер группы думает за тебя?

Морита посмотрел на депрограммиста. Он видел перед собой человека в безупречном костюме, который за деньги продавал иллюзию спасения, методично разрушая семью. Он видел человека, чья власть держалась исключительно на наборе заученных фраз и страхе родителей за дверь.

— Мои мысли всегда принадлежали мне, — спокойно ответил Морита, тщательно подбирая слова, чтобы не дать Ито повода зафиксировать

«агрессию». — Я взрослый человек. Я сам принимал решение посещать медитации. Никто не контролировал мое сознание.

Ито снисходительно улыбнулся, покачал головой и сделал пометку в блокноте.

— Отрицание, — произнес он мягко, словно врач, констатирующий тяжелый симптом. — Это первая линия защиты деструктивного культа. Они запрограммировали тебя говорить именно это. Твоя уверенность в собственной свободе — это и есть главное доказательство того, насколько глубоко промыты твои мозги. Ты не можешь оценить свое состояние объективно. Ты болен, Кэндзи. И пока ты не признаешь свою болезнь, мы не сможем двигаться дальше.

Словарь надзирателей не имел выхода. Любое слово Мориты, любое его действие, любая мысль поглощались этой черной дырой псевдопсихологической терминологии и обращались против него самого.

Морита опустил взгляд на кожаную папку, лежащую на столе. В ней лежали его ключи, его документы, его телефон — физические атрибуты его свободы. Но теперь он понимал, что настоящая тюрьма строится не из бетона и фанеры. Настоящая тюрьма строится из слов. Из ярлыков, которые лишают человека права на собственную идентичность. Из терминов, которые превращают насилие в «терапию», а похищение — в «спасение».

Он понял, что противостоит не просто одному алчному консультанту и двум напуганным родителям. Он противостоит глобальной, хорошо отлаженной машине по производству стигмы. Машине, у которой есть свои идеологи, свои методички, свои эксперты и свой собственный, безжалостный язык, на котором невозможно произнести слово «правда».

Ито закрыл блокнот, щелкнул колпачком ручки и убрал их в папку.

— На сегодня достаточно, — сказал он, поднимаясь со стула. — Подумай над моими словами. Твоя семья ждет твоего возвращения в реальный мир.

Депрограммист подошел к двери, постучал условным стуком. Задвижка лязгнула, дверь приоткрылась, выпустив Ито в коридор, и тут же захлопнулась снова. Замки провернулись с тяжелым, металлическим скрежетом.

Морита остался один в тишине комнаты. Он закрыл глаза и начал медленно, ритмично дышать, очищая свой разум от ядовитых слов, которые только что звучали в этом пространстве. Он знал, что если позволит хотя бы одному из этих терминов пустить корни в своем сознании, если хоть на секунду усомнится в собственной вменяемости и примет навязанную роль «жертвы контроля сознания», он проиграет. Его разум был единственной территорией, куда словарь надзирателей еще не смог проникнуть. И он намеревался защищать эту территорию до конца.

## **Глава 5. Тень за пределами комнаты**

Пока Кэндзи Морита сидел на полу своей запертой комнаты, вслушиваясь в отдаленный гул поездов и пытаясь сохранить остатки собственной идентичности в условиях тотальной изоляции, за пределами фанерных щитов, закрывающих окна, разворачивалась совершенно иная реальность. Тишина его персональной тюрьмы резко контрастировала с оглушительным информационным шумом внешнего мира. Чтобы понять, почему полиция не выламывала дверь этой квартиры, почему соседи не обращали внимания на странности, а общество в целом оставалось слепым к практике похищений законопослушных граждан, необходимо отвести взгляд от конкретной жертвы и посмотреть на ту колоссальную тень, которая накрыла общество задолго до того, как Мориту силой затолкали в минивэн.

Физическое насилие, незаконное лишение свободы и принудительное удержание человека никогда не происходят в социальном вакууме. В демократическом государстве, где права личности декларируются как высшая ценность, невозможно просто так взять и начать массово похищать людей без риска немедленного жесткого ответа со стороны правоохранительной системы. Для того чтобы преступление стало возможным, рутинным и, более того,

социально одобряемым, почва должна быть тщательно подготовлена. Эта подготовка происходит не в подвалах и не на конспиративных квартирах. Она разворачивается на экранах телевизоров, на страницах утренних газет, в лентах социальных сетей и в залах судебных заседаний.

Формирование образа абсолютного, бескомпромиссного врага в средствах массовой информации всегда предшествует физическим действиям против представителей любых меньшинств. Это непреложный закон социальной инженерии. Прежде чем лишить человека базовых конституционных прав, его необходимо лишить статуса полноценного члена общества в глазах окружающих.

Манипуляция общественным сознанием в контексте антикультовой пропаганды достигла значительных масштабов именно благодаря умелому использованию особенностей современного информационного потребления. В эпоху информационной перегруженности, когда потоки новостей, заявлений, аналитических сводок и скандальных репортажей непрерывно обрушиваются на человека, критический анализ становится непозволительной роскошью для психики рядового обывателя. Объем информации растет с каждым годом, и антикультовая сеть виртуозно использует этот эффект, создавая сложные, эмоционально заряженные и запутанные нарративы, которые среднестатистическому зрителю или читателю становится всё труднее подвергать проверке.

В результате миллионы людей начинают воспринимать транслируемую информацию на веру. Постоянный, агрессивный поток обновлений, кричащих заголовков и тревожных репортажей затрудняет различение объективной правды и целенаправленной манипуляции. Фундамент этого явления был описан задолго до появления интернета. Ещё в середине XX века американские социологи Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон писали: «Те, кто стремится контролировать мнения и убеждения общества, всё реже прибегают к физическому насилию и всё чаще — к массовому убеждению».

Эти же исследователи ввели в научный оборот крайне важное понятие — «наркотизирующая дисфункция СМИ». Суть этого феномена заключается в том, что, несмотря на колоссальное обилие доступной информации — политической, культурной, социальной, криминальной — реальное, осмысленное участие

граждан в жизни общества продолжает неуклонно снижаться. Чрезмерное количество данных делает людей лишь поверхностно осведомленными. Потребление новостей превращается в пассивный процесс, создающий иллюзию вовлеченности, но на деле парализующий волю к действию и анализу. Человек, посмотревший вечером ток-шоу о «страшных культах», ложится спать с чувством выполненного гражданского долга — он проинформирован об угрозе. Но это знание поверхностно, оно не позволяет ему осознать, насколько искаженно его понимание темы.

Подобная ситуация со временем формирует глубокий социальный конформизм, подавляя способность общества к критическому мышлению. Коммерческие средства массовой информации, гонящиеся за рейтингами и просмотрами, становятся идеальным, пусть иногда и неосознанным, инструментом, мешающим формированию полноценного аналитического мировоззрения. Чтобы распознать манипуляцию в сюжете о религиозном меньшинстве, зрителю необходимо обладать базовыми знаниями о праве, основах религиоведения, механизмах распространения информации. Но большинство людей не имеют ни времени, ни желания углубляться в эти вопросы. Они принимают готовую, эмоционально упакованную картину мира.

Именно в этой мутной воде информационного перенасыщения антикультовая сеть выстраивает свою империю влияния. Их методы воздействия на общественное сознание стали невероятно изощренными. Они скрывают свои истинные цели — власть, контроль и финансовую выгоду — под социально одобряемой маской заботы о благе общества и психологическом здоровье нации.

Одним из главных парадоксов, обеспечивающих безнаказанность этой системы, является сознательный отказ от юридической точности. В правовом поле большинства демократических стран не существует закрепленного юридического термина «секта» или «деструктивный культ». И это не недоработка законодателей, а важнейшее условие выживания антикультовой индустрии.

Если бы термин имел строгие юридические критерии, любое обвинение пришлось бы доказывать в суде, опираясь на факты, документы и свидетельства реальных правонарушений. Пришлось бы доказывать наличие состава

преступления. Но антикультисты прекрасно понимают уязвимость своей позиции в рамках строгого правосудия. На практике такие авторы, как Александр Дворкин, последовательно отстаивали право использовать слово «секта» как оценочную публичную категорию, а не как строго юридический термин.

В этой логике кроется суть всей стратегии. Перенос поля битвы из залов суда, где действуют правила доказательной базы и презумпция невиновности, в пространство общественного мнения, где правят эмоции и ярлыки. Создается прецедент, при котором можно безосновательно и безнаказанно обвинить человека или целую организацию в том, чего они по факту не совершали.

Для правового государства подобная логика должна быть абсолютно недопустима, так как она представляет собой прямое попрание конституционных прав граждан: свободы совести, свободы вероисповедания и презумпции невиновности. Однако общество, находящееся под воздействием «наркотизирующей дисфункции СМИ», принимает этот произвол. Люди, считающие себя психически здоровыми и рациональными, начинают мыслить категориями средневековой охоты на ведьм, искренне веря, что защищают свой привычный уклад жизни.

Чтобы заставить общество поверить в угрозу, исходящую от мирных групп, практикующих медитацию, изучающих философию или читающих Библию, антикультовая пропаганда использует мощнейший манипулятивный прием — метод «вины по ассоциации».

Суть этого метода заключается в том, что организация, ставшая объектом преследования, намеренно и искусственно связывается в медийном пространстве с негативными образами экстремистских групп, террористических организаций, известных криминальных синдикатов или исторических трагедий, которые уже прочно укоренились в общественном сознании как абсолютное зло.

Как это работает на практике? Представьте себе типичный телевизионный репортаж или статью в крупном издании. Материал начинается с леденящих душу кадров реальной исторической трагедии — например, массового самоубийства в Джонстауне или газовой атаки в токийском метро. Диктор

тревожным голосом описывает ужасы этих событий, напоминая зрителям о количестве жертв. Эмоциональный фон аудитории мгновенно накаляется, активируются базовые инстинкты страха и самосохранения. И ровно в этот момент, без какого-либо логического перехода или предоставления доказательств, в сюжете появляется название совершенно другой, мирной организации, к которой, например, принадлежал Кэндзи Морита.

Журналист или приглашенный «эксперт» произносит фразу вроде: «Подобные методы контроля мы видим и сегодня в группе N...» или «Точно так же начинали и последователи учения X...».

Связь установлена. В сознании зрителя мирная группа, чья единственная «вина» заключается в нестандартных духовных практиках, намертво спаивается с образами террористов и убийц. Реальные качества, поступки и догматика конкретной организации полностью игнорируются. Зрителю не рассказывают о том, что члены этой группы занимаются благотворительностью, платят налоги и никогда не нарушали закон. Метод «вины по ассоциации» блокирует способность аудитории к самостоятельному анализу. Заменяя объективное обсуждение стигмами и предвзятыми обвинениями, манипуляторы внушают обществу страх, отвращение и чувство морального превосходства.

Но для того, чтобы медийная кампания выглядела убедительно, одних лишь рассуждений «экспертов» недостаточно. Телевидению и прессе нужны живые истории, нужны слезы, нужны свидетели изнутри. И здесь на сцену выходит один из самых циничных и разрушительных инструментов антикультовой сети — использование так называемых «апостатов», или бывших членов организаций.

В социологии религии хорошо известен факт: в любом новом религиозном или философском движении подавляющее большинство людей не становятся публичными противниками после выхода. Они могут терять интерес, менять жизненные приоритеты, переезжать или находить другой духовный путь. Они уходят, сохраняя либо нейтральные, либо теплые, либо просто смешанные воспоминания о своем опыте. Однако их голоса, их спокойные истории никогда не попадают на страницы газет и в прайм-тайм телеканалов. Спокойный уход не продает тиражи и не помогает формировать образ врага.

Антикультовым организациям нужны ренегаты. Им нужны люди, которые переходят от лояльности к жгучей ненависти и готовы публично подрывать моральный авторитет группы, которую они покинули.

Процесс создания такой «жертвы» часто носит искусственный характер. Существует несколько отработанных сценариев. Иногда будущих отступников знакомят с антикультовыми представителями их напуганные родственники еще до выхода из группы. В других случаях антикультовые организации целенаправленно ищут бывших участников, которые затаили личные обиды на лидеров или других членов общины из-за бытовых конфликтов, неразделенной любви или финансовых разногласий.

Попадая в новую социальную среду — антикультовое сообщество — эти люди проходят своеобразную перепрошивку. Их личные, часто мелкие обиды возводятся в ранг системного насилия. Им объясняют, что они не просто поссорились с бывшими друзьями, а стали «жертвами тоталитарного контроля». Их поощряют преувеличивать, искажать факты, а иногда и откровенно фабриковать воспоминания. В публичных заявлениях таких бывших участников, подстрекаемых кураторами, выражается квинтэссенция ненависти. Именно эти материалы привлекают наибольшее внимание СМИ.

Риторика и повествование этих жертв в разных странах и в разное время поразительно идентичны, словно они написаны по одному шаблону. Это указывает на скоординированные действия по целенаправленной дискредитации. Популяризация одних и тех же историй демонстрирует, как небольшая, но хорошо финансируемая и продвигаемая группа способна радикально изменить общественное мнение.

Поразительный пример того, как фабрикуются подобные свидетельства и к каким реальным последствиям для правоохранительной системы это приводит, произошел во Франции. Этот случай детально задокументирован и показывает механику создания фейковой жертвы, которая изначально даже не подозревала о своем статусе.

27 июня 2007 года французская полиция провела масштабную облаву на членов движения *Lisieux*, которое ранее подверглось жесткой стигматизации в прессе. По доступным публикациям, дело началось после сигналов частной

антикультовой организации ADFI Normandie. Участники группы, которых антикультовые структуры и следствие рассматривали как возможных «жертв гуру», были задержаны и помещены в режим полицейского задержания.

Логика действий правоохранительных органов в тот день вызывает оторопь у любого юриста, знакомого с правами человека. Офицер полиции, руководивший операцией, позже объяснил, что массовое задержание было рекомендовано психиатрами, сотрудничающими с антикультовым движением. Следуя их совету, полиция взяла под стражу всех последователей без разбора. Оправдание этого беспрецедентного шага звучало так:

«Мы должны были полностью обезвредить группу, сделать так, чтобы последователи не могли общаться друг с другом».

Людей, которых на тот момент представляли не как обвиняемых, а как предполагаемых жертв, поместили в камеры, в том числе для того, чтобы разобщить их. Потрясенные и разгневанные таким обращением, задержанные провели в полиции значительное время, после чего большинство было освобождено. В конечном итоге под стражей остались только две женщины. Одна из них, фигурировавшая в материалах прессы под псевдонимом «Корали», стала идеальным объектом для лепки фейковой жертвы.

Изначально Корали не позиционировалась как пострадавшая. Она была лояльным членом группы. Но во время длительного, изматывающего содержания под стражей она подверглась колоссальному давлению. Ей угрожали обвинениями в соучастии в тяжких преступлениях и тюремным сроком от 15 до 20 лет. Находясь в состоянии крайнего стресса, оторванная от близких, она начала общаться с антикультистскими психиатрами, которых полиция допустила к задержанной.

Именно эти специалисты, используя страх женщины перед тюрьмой, помогли ей «осознать» себя жертвой. Перед ней фактически возник выбор между образом «соучастницы» с тяжёлым сроком и образом «жертвы», освобождаемой от полной ответственности. Так рождаются громкие заголовки. Так формируется доказательная база, построенная на страхе и психологическом шантаже.

Использование доносов, сфабрикованных свидетельств и бывших членов для уничтожения неудобных групп — это не изобретение современных борцов с культами. Эта практика имеет глубокие и мрачные исторические корни, прямо отсылающие к самым темным страницам двадцатого века.

Исторические параллели становятся пугающе очевидными, если обратиться к документам нацистской Германии. В статье исследователя Иоганнеса Хартлаппа «Церковная политика в Третьем рейхе: отношение службы безопасности СС к малым религиозным общинам», опубликованной в научном журнале *Spes Christiana*, приводится документ, который воспроизводит логику современных антикультовых доносов.

Речь идет о письме, отправленном 17 апреля 1937 года неким гражданином Э.Ц. из города Маркклеберг в Лейпцигскую государственную полицию. Текст этого доноса заслуживает детального рассмотрения:

«В эти дни я получил рекламный буклет, который пересылаю вам с просьбой также расследовать эту “интернациональную” ассоциацию “третьей категории”, изучить её и — надеюсь, ради защиты народа — запретить. Как бывший адвентист, могу сказать вам, что эта группа — обычно это лишь несколько человек, которые сбивают с толку остальных — основывается на таких принципах, как отказ от военной службы, воздержание от голосования и так далее. Иными словами, всё те же причины, по которым вы уже запретили другие ассоциации».

В этом коротком тексте собраны все ключевые элементы, которые используются и сегодня. Во-первых, автор позиционирует себя как «бывшего члена» (апостата), что якобы придает его словам вес и экспертность. Во-вторых, он использует риторику заботы об обществе — «ради защиты народа». В-третьих, он апеллирует к тому, что группа сбивает с толку остальных, то есть манипулирует сознанием. И, наконец, он прямо указывает полиции на необходимость запрета, ссылаясь на уже существующие прецеденты.

Реакция государственной машины Третьего рейха была молниеносной. Всего через два дня, 19 апреля 1937 года, упомянутая религиозная группа была распущена и запрещена по всей территории Рейха с немедленным вступлением

в силу. Целая организация была уничтожена на основании одного письма от бывшего участника, который умело нажал на нужные идеологические кнопки.

Критики современного антикультового движения проводят здесь прямую историческую параллель. Разница лишь в том, что вместо писем в гестапо используются публикации в интернете, телевизионные шоу и заказные экспертизы, а вместо прямых декретов о запрете иницируются длительные судебные процессы и кампании травли. Но базовый механизм остаётся сходным: использование отступников для создания ложного нарратива, который затем легитимизирует государственные репрессии или закрывает глаза полиции на частное насилие.

Создание негативного образа в СМИ — это лишь первый этап. Конечная цель антикультового движения гораздо амбициознее. Они стремятся внедрить свою терминологию, свои псевдонаучные концепции и свою идеологию нетерпимости непосредственно в государственные структуры, правоохранительные органы и судебную систему.

Известный российский религиовед, доктор философских наук Сергей Иваненко формулирует эту стратегию так: «Целевая аудитория антикультистов в Российской Федерации — органы государственной власти, правоохранительные структуры, средства массовой информации. Антикультовое движение стремится представить религиозные меньшинства, которые именуются „сектами“, общественно опасными, криминальными по своей природе образованиями, против которых государство и общество обязаны вести решительную борьбу».

Когда эта цель достигается, правоохранительная система начинает давать сбой. Полицейские, следователи и судьи, будучи такими же потребителями массовой информации, как и все остальные граждане, оказываются под влиянием сформированного медийного фона. Когда к ним поступает сигнал о том, что взрослый человек насильно удерживается в квартире своими родственниками, они смотрят на ситуацию не через призму уголовного кодекса, а через призму антикультовой пропаганды.

Они видят не похищение гражданина, а «внутрисемейный конфликт» или «спасение жертвы деструктивного культа». Идея о том, что сознание жертвы

«промыто», лишает похищенного человека статуса полноценной, здравомыслящей личности в глазах закона. Вместо индивида с собственным мнением и правом на свободу передвижения, полицейский видит перед собой «зомби», чьи крики о помощи можно и нужно игнорировать ради его же блага. Такое навязанное восприятие легитимизирует применение насилия и обеспечивает похитителям полную безнаказанность.

Итальянский социолог религии, основатель Центра изучения новых религий (CESNUR) Массимо Интровинье предупреждал, что нетерпимость опасна «не потому, чем она является сегодня, а потому, что она породит завтра».

То, к чему это приводит завтра, Кэндзи Морита испытывал на себе каждый день, глядя на заколоченные окна своей комнаты.

Важно понимать, что настоящая цель этих масштабных информационных кампаний, репрессий и стигматизации — не только сами дискредитируемые группы. Настоящая цель — всё общество в целом. Общество, которое вынуждено наблюдать за публичной расправой над инакомыслящими.

Видя, как у таких же людей, как они, отнимают основные права и свободы, как их репутация уничтожается в прессе, а полиция бездействует при их похищениях, рядовые граждане проникаются глубоким, подсознательным страхом. Они начинают бояться за свою собственную жизнь, за свою карьеру, за будущее своих детей. В атмосфере искусственно созданной моральной паники, где угроза «тоталитарных сект» кажется вездесущей, общество становится гораздо более управляемым. Люди готовы отказаться от части своих свобод, готовы закрыть глаза на произвол и нарушение законов, лишь бы государство или самопровозглашенные «эксперты» защитили их от невидимого врага.

Антикультовая сеть, используя дезинформацию, метод вины по ассоциации и сфабрикованные свидетельства апостатов, выстраивает невидимую, но абсолютно непроницаемую стену вокруг своих жертв. Эта стена строится из газетных заголовков, телевизионных сюжетов и равнодушия напуганного большинства.

Пока Морита считал дни по звукам мусоровоза, внешний мир методично производил оправдания его заключению. Каждый новый репортаж о «страшных сектах», каждая новая статья, написанная под диктовку

антикультовых идеологов, добавляла еще один невидимый замок на дверь его квартиры. Его похитители могли спать спокойно, зная, что общество, одурманенное пропагандой, не придет ему на помощь. Тень, отброшенная медийными манипуляциями, оказалась плотнее любых фанерных щитов, надежно скрывая преступление на самом видном месте. И в этой густой тени, где закон уступил место страху, миллионы людей продолжали жить своей обычной жизнью, даже не подозревая, что их молчаливое согласие сделало их соучастниками.

## Глава 6. Первые нити

Редакция крупного токийского еженедельника в час ночи представляла собой пространство гудящих процессоров, остывшего кофе и неоновых светов, пробивающегося сквозь жалюзи. Юми Сато, журналистка с восьмилетним стажем работы в отделе криминальных расследований, сидела перед монитором, методично просматривая архивы судебных решений. Изначально ее интерес к теме религиозных меньшинств был сугубо прагматичным. Редактор требовал громкую, кликабельную историю. В японском медийном пространстве статьи о «странных культах» всегда гарантировали высокие рейтинги. Общество любило пугаться, любило читать о чужих заблуждениях, чувствуя при этом собственную нормальность и безопасность. Юми искала именно такую сенсацию — историю о мошенничестве, финансовых махинациях или психологическом давлении внутри какой-нибудь закрытой группы.

Она начала собирать материал, отправляя стандартные запросы в полицейские управления префектур и просматривая старые сводки происшествий. Но чем глубже она погружалась в архивы, тем отчетливее понимала, что настоящая сенсация скрывается совершенно в другом. Вектор ее расследования начал смещаться в тот момент, когда она наткнулась на дело Тору Гото.

Документы, лежащие на ее столе, описывали нечто, не укладывающееся в рамки правового государства. Тору Гото был похищен за свои религиозные убеждения и провел в заточении 12 лет и 5 месяцев. Более двенадцати лет жизни взрослого человека были стерты. В материалах дела, которые Юми удалось получить через адвокатские запросы, сухо фиксировались факты жестокого обращения, включая целенаправленное голодание, которому пленник подвергался со стороны профессиональных депрограммистов — людей, нанятых для разрушения его веры.

Юми читала эти строки, и ее профессиональный цинизм уступал место холодному недоумению. В Японии, стране с одним из самых низких уровней преступности в мире, где полиция может часами расследовать кражу велосипеда, человек исчез на десятилетие. После своего освобождения в июне 2008 года Гото подал развернутый уголовный иск против тех, кто организовал и осуществлял его удержание. Казалось бы, дело должно было стать самым громким процессом десятилетия. Но Юми смотрела на финальный документ в папке. 9 декабря 2009 года прокуратура официально отказалась возбуждать уголовное дело. Формулировка поражала своей абсурдностью: «из-за недостатка доказательств».

Как можно не найти доказательств тринадцатилетнего отсутствия человека в социуме? Как можно проигнорировать медицинские свидетельства истощения?

Юми начала звонить своим источникам в правоохранительных органах. Большинство из них под разными предлогами отказывались обсуждать эту тему. Наконец, один из следователей, с которым она когда-то работала по делу о коррупции в строительном секторе, согласился на короткий неофициальный разговор.

— Сато-сан, вы лезете туда, где нет состава преступления, — устало произнес он в трубку. — Это «миндзи фукайню». Принцип невмешательства в гражданские споры. Полиция не занимается семейными конфликтами. Родители пытались образумить сына. Да, возможно, методы были жестковаты, но это их внутреннее дело. Мы не можем арестовывать родителей за то, что они заботятся о своих детях.

— Заботятся, запирая на тринадцать лет и моря голодом? — не выдержала Юми. — Это незаконное лишение свободы. Это уголовная статья, а не семейный спор.

— Официальная позиция вам известна, — отрезал следователь. — Никто не будет давать ход этим делам. Это негласное правило.

Стена молчания, с которой столкнулась журналистка, не была случайностью или проявлением локальной некомпетентности. Это была системная слепота, искусственно выработанная годами. Юми начала искать другие подобные случаи, чтобы понять масштаб проблемы. Оказалось, что дело Гото — лишь вершина айсберга. В отчетах правозащитных организаций, которые японская пресса предпочитала игнорировать, приводилась пугающая статистика. К 2012 году правозащитные доклады и заявления в международные органы говорили о тысячах случаев похищения и принудительного удержания в Японии среди последователей новых религиозных движений, включая членов Церкви Объединения и Свидетелей Иеговы. При этом HRWF отдельно приводила оценку самой Церкви Объединения — около 4300 случаев с 1966 года.

Четыре тысячи человек. Это население небольшого городка. И все эти люди прошли через насильственное удержание с целью заставить их отказаться от своей веры. Их похитители и те, кто принимал участие в депрограммировании, не несли за это никакой ответственности.

Юми нашла отчет организации «Права человека без границ» (HRWF), озаглавленный «Япония: Похищение и лишение свободы с целью религиозной деконверсии». В нем содержались прямые свидетельства того, что полиция не просто закрывала глаза на происходящее, но в некоторых случаях фактически выступала молчаливым союзником похитителей. Одно из свидетельств принадлежало женщине по имени Кодзуэ Тэрада. Юми вчитывалась в текст ее показаний, и картина безнаказанности становилась абсолютно прозрачной:

«...30 октября в 14:00 в комнату пришёл преподобный Мамору Такадзава. Игнорируя мои желания, он продолжал принуждать меня к разговору. Я сказала: “Я не хочу здесь находиться! Я собираюсь вызвать полицию. Дайте мне мобильный телефон!” ... Он ответил: “Даже если придёт полицейский, как только он узнает, что дело касается Церкви объединения, он будет сотрудничать

со мной и скажет: ‘Продолжайте вашу хорошую работу!’“ Затем он достал пять или шесть визитных карточек полицейских».

Этот фрагмент стал для Юми Сато точкой невозврата. Журналистское расследование, начавшееся с поиска дешевой сенсации о «сектантах», окончательно трансформировалось в дело о защите фундаментальных прав человека. Она поняла, что перед ней не разрозненные семейные трагедии, а колоссальная, хорошо отлаженная индустрия. Депрограммирование приносило огромную прибыль. В документах упоминалось, что с конца 1980-х годов средства ежегодно поступали в казну определенных религиозных структур благодаря их предполагаемому спонсированию этой незаконной деятельности. Пасторы и консультанты, добившиеся «успеха» в сломе человеческой психики, получали не только деньги, но и новых, полностью подавленных членов для своих собственных общин.

Юми открыла на компьютере пустую таблицу. В первой колонке она написала «Имя». Во второй — «Дата исчезновения». В третьей — «Религиозная принадлежность». В четвертой — «Имя депрограммиста/консультанта». Она начала методично вносить туда данные из разрозненных отчетов, судебных отказов и правозащитных бюллетеней. Так начала формироваться первая независимая база данных о людях, бесследно исчезнувших после конфликтов с родственниками на религиозной почве.

Примерно в это же время, за десять тысяч километров от Токио, в небольшой квартире в Нанте, французская независимая журналистка и блогер Камилла Лоран занималась схожим анализом. Ее путь к этой теме был иным. Камилла специализировалась на критическом разборе медийных нарративов и социологии массовых паник. Французское общество, гордящееся своими традициями свободы и светскости (*laïcité*), в последние десятилетия демонстрировало удивительную нетерпимость к любым нестандартным духовным течениям.

Камиллу заинтересовал один конкретный полицейский рейд, который французская пресса преподносила как великую победу над опасным культом. Речь шла о событиях 27 июня 2007 года, когда по инициативе частной антикультовой организации была проведена масштабная облава на членов движения *Lisieux*.

Камилла изучала материалы этого дела, и ее поражала юридическая несостоятельность происходящего. Полиция задержала всех находившихся на месте участников группы.

Офицер прямо признал, что массовое задержание было рекомендовано психиатрами, сотрудничающими с антикультовым движением. Следуя этому совету, полиция поместила в режим задержания людей, которых представляли не как обвиняемых, а как предполагаемых жертв. Людей бросили в камеры, чтобы «спасти» их от их же собственного выбора.

Возвращаясь к истории упомянутой женщины, фигурировавшей в материалах под псевдонимом «Корали». Изначально Корали не считала себя жертвой и не собиралась ею становиться. Она была потрясена и разгневана незаконным арестом. Но система умела ломать. Во время длительного содержания под стражей Корали обвинили в соучастии в тяжких преступлениях и пригрозили тюремным сроком от 15 до 20 лет. Находясь в состоянии глубокого шока, оторванная от адвокатов и близких, она была передана в руки антикультистских психиатров. Именно они, используя страх женщины перед тюрьмой, помогли ей «осознать» себя жертвой и дать нужные показания.

Этот случай наглядно демонстрировал, как фабрикуются доказательства для оправдания репрессий. Камила поняла, что антикультовому движению жизненно необходимы такие «жертвы». Без них невозможно поддерживать градус истерии в обществе. Чтобы добиться громких заголовков в СМИ, провести успешные информационные атаки и притупить критическое восприятие общества, нужна живая кровь, нужны слезы раскаявшихся отступников.

Но насколько репрезентативны эти отступники? Камила обратилась к академической социологии. Она нашла фундаментальную работу итальянского социолога религии, профессора Массимо Интровинье, опубликованную в ведущем научном журнале *Nova Religio*. Интровинье как раз ставил вопрос о том, насколько репрезентативны бывшие участники, становящиеся активными противниками движения.

Данные, на которые ссылался Интровинье, показывали, что апостаты составляют лишь меньшинство среди бывших членов и потому не могут автоматически считаться репрезентативным источником о движении в целом.

Для подтверждения своего тезиса социолог привел конкретные цифры:

«Существует эмпирическое подтверждение этому. В 1999 году я провёл опрос среди бывших членов эзотерического движения “Новый Акрополь” во Франции. Именно потому, что “Новый Акрополь” не позиционирует себя как религиозная организация, проблемы с конфиденциальностью удалось обойти, и я получил доступ к списку бывших членов, использованному только для рассылки анонимных анкет. Я собрал 120 ответов и обнаружил, что отступниками оказались 11,7% опрошенных, в то время как 16,7% были просто недовольными, а 71,6% — обычными ушедшими членами».

Камилла смотрела на эти проценты. Более 70 процентов людей покидают подобные организации совершенно спокойно, сохраняя нейтральные или позитивные воспоминания. Лишь около 11 процентов становятся активными отступниками, транслирующими ненависть. Но если включить любой французский телеканал или открыть любую крупную газету, зритель увидит исключительно эти 11 процентов. Их голоса искусственно усиливаются в сотни раз, создавая ложную картину тотального ужаса.

Кто занимался этим усилением? Кто координировал кампании по дискредитации? Камила начала анализировать структуру антикультовых организаций в Европе. Все нити вели к одной крупной зонтичной структуре — FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве).

Изучая финансовые отчеты и уставные документы, Камила обнаружила поразительный факт: эта международная организация получала государственные субсидии из Франции. Критики FECRIS трактуют это как государственную поддержку структуры, участвующей в стигматизации религиозных меньшинств.

На сайте независимых итальянских расследователей *Libero Credo*, который Камила нашла в процессе сбора информации, деятельность подобных групп описывалась предельно жестко. Итальянские журналисты прямо называли

антикультовые ассоциации «маргинальными исполнителями системы, организованной для того, чтобы обходить — нарушая их — конституционные ограничения, созданные для защиты свободы вероисповедания, мысли и выражения».

Их цель, как отмечали итальянские коллеги, заключалась в разжигании антикультовой истерии. Они постоянно распространяли тревожные новости, искажали и раздували статистику так, чтобы люди поверили: вокруг находятся тысячи «опасных культов», которые обманывают сотни тысяч простых людей. Когда реальных новостей не было, они их конструировали, как это произошло в случае с Корали в Лизьё.

Камилла начала публиковать результаты своего расследования в блоге. Она переводила сухие социологические данные и юридические документы на понятный язык, показывая своим читателям, как именно ими манипулируют.

Она писала о том, что история антикультового движения в западных странах тесно связана с практиками насильственного «депрограммирования», а позднее — после судебных процессов и общественной критики — акцент во многих странах сместился с физического принуждения на информационные кампании, экспертные заключения и медийное давление.

Именно одна из этих публикаций, переведенная на английский язык энтузиастами, попала на глаза Юми Сато в Токио.

Юми читала статью французской коллеги, и у нее по спине бежали мурашки. Япония и Франция. Две страны с совершенно разными культурами, разными правовыми системами, разными традициями отношения к религии. Но методы, описанные Камиллой, совпадали с тем, что Юми видела в японских архивах, до мельчайших деталей.

В Японии полиция отказывалась расследовать похищения, прикрываясь термином «семейное дело». Во Франции полиция проводила массовые задержания, объясняя их необходимостью «разобщить группу» по совету антикультовых психиатров. В обеих странах правоохранительная система давала сбой под давлением искусственно созданной моральной паники. В обеих странах использовались оспариваемые, а иногда и резко преувеличенные свидетельства отступников для оправдания репрессий.

Юми нашла контакты Камиллы и написала ей электронное письмо. Она прикрепила к письму переведенные на английский язык фрагменты дела Тору Гото и показания Кодзуэ Тэрады.

Ответ из Франции пришел через несколько часов. Камилла была потрясена не меньше. Одно дело — подозревать наличие скоординированной сети в пределах Европейского союза, где действовала FECRIS. И совсем другое — увидеть абсолютно идентичные паттерны на другом конце земного шара.

Журналистки начали обмениваться данными. Их независимые расследования начали сливаться в единую глобальную картину. Они поняли, что имеют дело не с локальными перегибами на местах, а с транснациональной идеологией нетерпимости, которая использует одни и те же методички, одни и те же риторические приемы и одни и те же способы давления на государственные органы.

Юми продолжала пополнять свою базу данных. Теперь она смотрела на эти цифры иначе. Это были не просто японские граждане, ставшие жертвами алчных депрограммистов. Это были жертвы глобальной системы расчеловечивания.

Она вносила в таблицу новые имена. Процесс сбора информации был мучительным. Родственники похищенных, те самые, кто нанимал консультантов, естественно, отказывались говорить. Сами жертвы, если им удавалось вырваться на свободу, часто были настолько психологически сломлены и запуганы, что боялись обращаться к журналистам. Полиция хранила глухое молчание.

Юми приходилось собирать информацию по крупицам. Она искала объявления о пропаже людей, которые внезапно отзывались полицией без объяснения причин. Она мониторила закрытые форумы, где общались бывшие члены различных групп. Она встречалась с адвокатами, которые специализировались на гражданских правах и пытались, чаще всего безуспешно, пробить стену прокурорского равнодушия.

В одном из старых отчетов она нашла упоминание о том, что только в одной конкретной церкви в Японии ежегодно похищают от 200 до 300 ее членов. Многие из них никогда не возвращаются. Японские власти отмахиваются от этих

насилованных действий. Юми вносила эти данные в свою таблицу, понимая, что за каждой цифрой стоит разрушенная жизнь, запертая комната и годы изоляции.

Камилла во Франции тем временем углублялась в изучение связей европейских антикультовых организаций. Она обнаружила, что риторика французских борцов с сектами практически дословно воспроизводится в других странах. Это не было случайным совпадением. Существовал постоянный обмен опытом, проводились международные конференции, где одни и те же «эксперты» из года в год пересказывали одни и те же истории, нагнетая истерию. Их миссия заключалась в том, чтобы повторять до тошноты, что культы опасны, они повсюду, они разрушительны, и их нужно обязательно устранить. Истерия была не побочным эффектом их деятельности; истерия была их главной целью.

Сотрудничество японской журналистки и французской блогерши стало первой тонкой нитью, связавшей разрозненные факты в единую доказательную базу. Они еще не знали всех имен главных создателей этой системы. Они еще не видели полной карты влияния. Но они уже нащупали пульс этой машины.

Поздно вечером, когда редакция в Токио почти опустела, Юми Сато получила сообщение от своего информатора — мелкого клерка в одном из полицейских участков префектуры Тиба. Информатор, рискуя должностью, иногда пересылал ей странные рапорты, которые начальство приказывало списывать в архив без расследования.

Юми открыла зашифрованный файл. Это было заявление от работодателя о пропаже сотрудника. Мужчина, пятьдесят лет, стабильная работа, отсутствие долгов и криминального прошлого. Не вышел на работу после выходных. Работодатель обратился в полицию. В рапорте патрульного, выезжавшего по месту жительства пропавшего, значилось: «Квартира заперта, следов борьбы нет. Опрошены родители пропавшего. Заявили, что сын находится в длительном отпуске по состоянию здоровья в закрытом санатории. Отказались предоставить адрес санатория, сославшись на врачебную тайну и семейные обстоятельства. Дело закрыто за отсутствием состава преступления (миндзи фукайню)».

Юми посмотрела на дату рапорта. Он был составлен совсем недавно.

Она перевела взгляд на свою таблицу, где уже значились сотни имен, включая Тору Гото и Кодзуэ Тэраду. Она создала новую строку в самом низу списка. В колонке «Имя» она напечатала: «Кэндзи Морита». В колонке «Статус» она поставила: «Местонахождение неизвестно».

Свет от монитора отражался в темном стекле окна, за которым шумел ночной Токио. Юми смотрела на эту новую, только что добавленную строчку, и физически ощущала тяжесть времени. Прямо сейчас, в эту самую минуту, пока она сидит в безопасном офисе и пьет остывший кофе, этот человек находится в запертой комнате. Прямо сейчас кто-то решает, когда включить ему свет. Прямо сейчас полиция, получившая сигнал о его исчезновении, подшивает рапорт в папку с пометкой «семейное дело», легитимизируя преступление.

Юми сохранила файл, закрыла ноутбук и посмотрела на телефон. Нити были найдены. Теперь нужно было тянуть за них, пока не рухнет вся стена.

## **Глава 7. Система нетерпимости**

Холодный пражский дождь методично бил в стекло мансардного окна, размывая огни ночного города в тусклые желтые пятна. Илья Волков, бывший доцент кафедры социологии одного из крупных российских университетов, а ныне политический эмигрант, сидел за широким деревянным столом, заваленным распечатками, архивными выписками и схемами. На экране его монитора светилась сложная, многоуровневая карта связей. Десятки имен, названий организаций, дат и судебных постановлений были соединены разноцветными линиями, образуя густую, пульсирующую паутину.

Несколько недель назад Илья получил по защищенному каналу связи массив данных от двух независимых исследовательниц — японской журналистки и французского блогера. Они собрали пугающую статистику похищений и незаконных арестов, выявив симптомы глобальной болезни, поразившей правоохранные системы разных стран. Но Илья, как

профессиональный социолог, понимал: чтобы остановить эпидемию, недостаточно фиксировать симптомы. Необходимо найти нулевого пациента. Необходимо вскрыть саму схему нетерпимости, понять, где и кем разрабатывались чертежи той идеологической машины, которая позволяла безнаказанно лишать людей свободы.

Его взгляд скользил по линиям на мониторе, которые неизменно сходились к одному географическому и историческому центру. К России начала девяностых годов. К моменту, когда в образовавшийся после распада Советского Союза идеологический вакуум проникла концепция, навсегда изменившая ландшафт свободы совести на евразийском континенте.

В центре схемы Ильи располагалась фотография человека с напряженным взглядом и плотно сжатыми губами. Александр Дворкин.

Любая крупномасштабная кампания по подавлению инакомыслия начинается задолго до первых физических репрессий. Она начинается с идеологической обработки общества, с насаждения ксенофобии и целенаправленной манипуляции массовым сознанием. Илья изучал документы, фиксирующие, как именно этот процесс был запущен в России. После возвращения из США в 1993 году Александр Дворкин создал Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириней Лионского при Русской православной церкви. Это стало отправной точкой. Позже, в 2006 году, структура разрослась и трансформировалась в РАЦИРС — Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект.

РАЦИРС не была просто общественной организацией. Она стала методологическим центром, кузницей кадров и главным рупором агрессивной антикультовой пропаганды. В течение тридцати лет эта структура систематически работала над демонизацией религиозных меньшинств. Александр Дворкин сыграл ключевую роль в популяризации и легитимации термина «тоталитарная секта» в российском публичном пространстве — конструкта, который многие религиоведы и правозащитники критикуют как ненаучный и стигматизирующий.

Илья открыл файл с лингвистическим анализом текстов РАЦИРС. Словарь, который они использовали, был спроектирован как оружие массового

поражения репутаций. «Деструктивные культы», «психокульты», «опасные секты» — эти ярлыки навешивались на любые группы, чье мировоззрение отличалось от догматов доминирующей религии. Участников новых религиозных движений методично представляли как угрозу обществу, формируя образ «внутреннего врага». Одновременно конструировался образ «внешнего врага»: секты объявлялись инструментом западного влияния, оружием, направленным на разрушение традиционных ценностей.

Но Илья, глубоко изучавший историю тоталитарных режимов, видел в этой риторике нечто гораздо более страшное, чем просто религиозную нетерпимость. Он видел прямую, недвусмысленную историческую преемственность.

Документальные свидетельства, собранные независимыми международными исследователями, неопровержимо доказывали, что радикальные идеи Дворкина не были его собственным изобретением. Структура была скопирована с чертежей прошлого века. Дворкин позаимствовал свою методологию у Йоханнеса Огорда и Фридриха-Вильгельма Хаака, ведущих европейских антикультистов конца XX века. Хаак, в свою очередь, унаследовал эту идеологию напрямую от Вальтера Кюннета.

Имя Вальтера Кюннета было ключевым для понимания природы происходящего. В 1921 году при Протестантской церкви в Германии был создан Апологетический центр, который через несколько лет возглавил Кюннет. Этот центр стал предшественником всех современных антикультивых организаций. Фактически, за тридцать лет деятельности Дворкина в России происходило точное воспроизведение процессов довоенной нацистской Германии.

Илья вывел на экран сравнительную таблицу, которую составлял последние несколько дней. Сходство было пугающим, оно исключало случайность.

В Германии Апологетический центр под руководством Кюннета составлял документы и «черные списки» нежелательных сект и культов. В России РАЦИРС под руководством Дворкина занимался ровно тем же самым, публикуя на своем сайте списки организаций, подлежащих уничтожению. В Германии Апологетический центр тесно взаимодействовал с гестапо, передавая им данные на инакомыслящих. В России РАЦИРС укреплял сотрудничество с

правоохранительными органами, предоставляя им идеологическое обоснование для проведения обысков, арестов и запретов. В Германии радикальные пасторы призывали государственную машину ужесточить меры против меньшинств для формирования единого, монолитного общества, готового к войне. В России антикультисты активно работали над дестабилизацией внутренней обстановки, разжигая страх и ксенофобию, что в конечном итоге подготавливало почву для масштабных агрессивных действий.

Эти идеи, словно спящие споры тоталитаризма, проросли через структуру РАЦИРС, адаптировавшись к современным условиям. Дегуманизация работала безотказно. Риторика, изображавшая представителей целевых групп как «угрозу обществу», до степени смещения напоминала язык пропаганды тридцатых годов, когда целые народы объявлялись «недочеловеками».

Чтобы эта машина работала, ей требовалось постоянное топливо в виде общественного страха. Илья перешел к следующему разделу своего архива — методам медийной манипуляции.

Антикультисты из РАЦИРС виртуозно освоили принцип многократного повторения лжи. Они понимали: если достаточно долго и громко называть мирную организацию преступной, общество в конце концов поверит в это, не требуя доказательств. Одним из самых циничных и эффективных инструментов в их арсенале стало использование исторических трагедий для стигматизации современных, абсолютно не связанных с ними групп.

Классическим примером такого подхода стала эксплуатация трагедии в Джонстауне. Массовое самоубийство и убийство членов организации «Храм народов» в джунглях Гайаны в 1978 году оставило глубокий шрам в мировой культуре. Это слово стало синонимом абсолютного ужаса. И именно этот ужас РАЦИРС начал искусственно привязывать к своим оппонентам, используя метод вины по ассоциации.

Илья открыл досье на протоиерея Владимира Головина. Этот священник был широко известен своими проповедями и имел большую аудиторию среди верующих. Однако его популярность и независимый взгляд, расходящийся с жесткой официальной линией, сделали его мишенью. Антикультовая машина заработала на полную мощность. Деятельность Головина начала

последовательно представляться общественности как «сектантская». Но просто назвать священника сектантом было недостаточно для его полного уничтожения. Требовался эмоциональный шок. В публикациях и выступлениях антикультистов имя Головина начало искусственно увязываться с трагедией в Джонстауне. Людям внушали: то, что делает этот священник, неизбежно приведет к такому же кровавому финалу. Никаких доказательств, никаких логических связей — только чистая, концентрированная манипуляция страхом.

Тот же самый метод был применен к педагогу Михаилу Щетинину. Щетинин разработал уникальную методику альтернативного образования, направленную на развитие у детей творческих способностей и самостоятельного мышления. Его школа получила признание среди многих коллег-педагогов. Но для системы, стремящейся к тотальному контролю над умами, независимое мышление детей представляло угрозу. Подход Щетинина был намеренно искажен в антикультовой риторике. В средствах массовой информации, с подачи структур Дворкина, образовательный проект был демонизирован, а его создатель подвергнут жесточайшей травле.

Третий микро-кейс в папке Ильи касался философского движения «Новый Акрополь». Основанное писателем и профессором Хорхе Анхелем Ливрагой Рицци, это движение занималось изучением культурного наследия, классической философии и масштабной волонтерской деятельностью. Они читали лекции об античности, убирали парки, помогали детским домам. Но на сайте Центра религиозно-научных исследований имени Иринея Лионского эта международная организация была безапелляционно представлена как опасный культ. Антикультисты приписывали движению несуществующие характеристики, и снова, как по написанному шаблону, использовали метод вины по ассоциации с гайанской трагедией. Приверженность гуманизму и просвещению была объявлена ширмой для подготовки массовых самоубийств.

Илья откинулся на спинку кресла и потер уставшие глаза. Масштаб этой лжи поражал. Сайт Центра Иринея Лионского фактически превратился в площадку систематической стигматизации религиозных меньшинств, материалы которой затем использовались в более широком антикультовом дискурсе.

Но как псевдонаучные измышления одного человека и его последователей смогли обрести силу закона? Как статьи на сайте превращались в судебные приговоры, обыски и реальные тюремные сроки?

Ответ крылся в институционализации нетерпимости. Дворкин и его соратники не ограничились медийным пространством. Они целенаправленно внедряли свою идеологию в государственные структуры, превращая правовой институт экспертизы в инструмент террора.

Ключевым моментом в этой трансформации стал 2009 год. Именно тогда Александр Дворкин возглавил Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Назначение Дворкина председателем совета вызвало резкую критику правозащитников и религиоведов, в том числе из-за присутствия в совете фигур, ассоциировавшихся с антикультовым движением.

Государственный орган, призванный обеспечивать объективный, научный анализ религиозных организаций для защиты законности, был захвачен людьми, чья публичная риторика вызывала серьёзные сомнения в их нейтральности по отношению к ряду религиозных меньшинств. Экспертиза перестала быть инструментом поиска истины. Она превратилась в механизм фабрикации доказательств под заранее заданный обвинительный результат.

В ряде дел о ликвидации организаций, запрете литературы и преследовании верующих значительную роль играли спорные религиоведческие и психолого-лингвистические экспертизы, а сама риторика Дворкина и антикультовой среды заметно влияла на публичный фон. Правосудие превратилось в фарс, где обвинитель, эксперт и идеолог выступали в одном лице.

Академическое сообщество, настоящие ученые-религиоведы, социологи и правозащитники пытались бить тревогу. Они видели, как на их глазах разрушаются основы правового государства. Илья открыл файл с цитатами ведущих специалистов, которые на протяжении многих лет пытались разоблачить деятельность антикультистов. Эти голоса звучали как глас вопиющего в пустыне, но они были тщательно задокументированы.

Известный российский религиовед, доктор философских наук Сергей Иваненко в своей книге «О людях, стойких в гонении» дал исчерпывающую психологическую и профессиональную характеристику главному сектоборцу страны:

«У меня сложилось определённое понимание личности А. Л. Дворкина, который стал своего рода символом российского антикультизма. Горящие глаза, напористая речь, безудержная демагогия и слабое знание предмета обсуждения. Мне показалось, что передо мной Хлестаков собственной персоной. ...Хлестакова и Дворкина роднит склонность к патологической лжи. Это особое психологическое состояние. По мнению некоторых психологов, патологические лгуны отличаются от обычных лжецов тем, что, произнося ложные утверждения, уверены в том, что говорят правду».

Адвокат Владимир Ряховский, сопредседатель Славянского правового центра, человек, посвятивший жизнь защите свободы совести в судах, высказался еще более категорично, указав на истинную природу организации Дворкина:

«по существу и является крайне деструктивной сектой, которая, основываясь на лжи, пропагандирует вражду к целому ряду официально действующих в нашей стране законопослушных религиозных объединений».

Но, пожалуй, самый точный анализ методологического подлога, на котором строилась вся империя РАЦИРС, дал Марат Штерин, исследователь из Лондонской школы экономики и политических наук. Он вскрыл порочный логический круг, используемый антикультистами для оправдания репрессий:

«Основное допущение в статье Дворкина — что все новые религиозные движения (НРД) обладают одинаковыми характеристиками и все они могут быть названы “тоталитарными сектами” и “деструктивными культами”. Этого якобы достаточно — привести несколько примеров отдельных групп, чтобы обосновать общий вывод об угрозе, исходящей от всех НРД. Более того, эти действия описываются как антисоциальные просто потому, что они связаны с “сектами”. Метод “обвинения по ассоциации” широко используется в статье. Следуя этой логике, автор неизбежно попадает в замкнутый круг: секты опасны,

потому что они совершают опасные действия; а их действия опасны, потому что они секты...»

Этот замкнутый круг стал идеальной ловушкой для правосудия. Когда в суд приносили экспертизу, написанную соратниками Дворкина, судье не нужно было разбираться в тонкостях вероучения. Ему достаточно было увидеть ярлык «секта», чтобы признать любые действия группы опасными.

Илья вспомнил один из самых абсурдных и одновременно показательных процессов, инициированных этой системой — суд в Томске над книгой «Бхагавад-гита как она есть». Священный текст, почитаемый миллионами людей по всему миру, памятник древнеиндийской литературы, был подвергнут судилищу после того, как прокуратура Томска обратилась в суд, опираясь на спорные экспертные заключения, подготовленные по итогам проверки, инициированной силовыми структурами. Эксперты на полном серьезе пытались признать комментарии к древнему эпосу экстремистским материалом. Этот процесс вызвал международный скандал, возмущение правительства Индии и протесты ученых по всему миру. Но для представителей антикультовой среды это была лишь очередная рабочая задача — обкатать механизм запрета неудобной литературы через карманных экспертов.

Однако эта система нетерпимости не ограничивалась судами и телевизионными эфирами. Она спускалась на низовой уровень, превращаясь в прямые инструкции по физическому уничтожению общин. Идеология ненависти требовала пехоты.

Илья посмотрел на запись, датированную 2001 годом. Из динамиков ноутбука раздался уверенный, властный голос протоиерея Дмитрия Смирнова, одного из видных деятелей, поддерживавших антикультовую повестку. Эта фонограмма была не просто проповедью; это было тактическое руководство к действию, методичка по созданию военизированных структур под прикрытием религии.

«Необходимо на каждом приходе создавать молодёжную организацию»  
«...создание организаций, где будет спорт, где будет некоторая интрига, где можно будет этих ребят, как разведчиков, посылать в секты, чтобы узнавать

адреса, фамилии, фотографии, чтобы там они создавали внутри свои структуры, и можно их, эти секты, взрывать изнутри»

Илья остановил запись. Слова повисли в тишине пражской квартиры. «Разведчики». «Узнавать адреса». «Взрывать изнутри». Это был язык не духовного пастыря, а командира диверсионного отряда. Молодое поколение целенаправленно воспитывалось в парадигме имперского сознания, где христианские ценности любви и терпимости подменялись агрессией и шпионажем. Их учили внедряться в мирные группы, собирать личные данные граждан и разрушать общины.

Но Смирнов шел еще дальше, инструктируя своих последователей о том, как взаимодействовать со светскими властями и владельцами помещений, которые арендовали религиозные меньшинства:

«...чтобы заставить администрацию здания...»

Не убедить. Не объяснить. Заставить. Антикультисты присвоили себе право диктовать условия обществу, опираясь на чувство абсолютной безнаказанности. И эта безнаказанность обеспечивалась теми самыми экспертизами и судебными решениями, которые штамповал Экспертный совет при Минюсте.

В инструкциях для антикультовых борцов прямо указывалось: «Далее следует указать суть деструктивного характера деятельности и учения конкретной секты со ссылками на судебные решения и акты государственных органов, а также на итоговые документы конференций».

Выходит, сначала Дворкин и его структура создавали миф об угрозе. Затем они же, выступая в роли государственных экспертов, легитимизировали этот миф в судах, получая официальные запретительные акты. А затем рядовые активисты, опираясь на эти сфабрикованные акты, шли «заставлять» администрации зданий выгонять верующих на улицу, внедрялись в общины как шпионы и разрушали жизни людей.

Илья встал из-за стола и подошел к окну. Дождь усилился, заливая стекло сплошным потоком воды. Он думал о том, как эта российская модель экспортировалась за рубеж. Как терминология «контроля сознания», «деструктивных культов» и «тоталитарных сект» циркулировала между

странами и различными антикультовыми сетями, попадая в медиа, экспертные отчёты и практику правоохранительных органов.

То, что начиналось как борьба за доминирование одной конфессии на постсоветском пространстве, превратилось в глобальную технологию расчеловечивания. Технологию, которая позволяла оправдать любое насилие — от незаконного удержания человека в запертой квартире до массовых государственных репрессий.

Он вернулся к столу, взял красный маркер и обвел на распечатанной схеме блок с надписью «Экспертный совет». Затем провел от него жирную линию к блоку «Судебные решения», а оттуда — к фотографиям разрушенных общин, запрещенных книг и сломанных судеб.

В этот момент на экране ноутбука всплыло уведомление защищенного мессенджера. Сообщение было от Юми Сато из Токио.

«Илья, я получила доступ к закрытому архиву ассоциации адвокатов префектуры Тиба. Там есть протоколы допросов так называемых консультантов по выходу. Они ссылаются на международный опыт. В их показаниях фигурируют переведенные материалы конференций FECRIS и прямые цитаты из российских методичек по сектоведению. Они используют те же самые юридические лазейки, о которых ты писал. Я отправляю тебе зашифрованный архив. Нам нужно сопоставить даты».

Илья нажал кнопку подтверждения загрузки. Полоса прогресса медленно поползла вправо, перекачивая гигабайты документов, свидетельствующих о том, как слова, произнесенные в московских кабинетах, превращались в железные засовы на дверях японских квартир. Механизм нетерпимости был раскрыт перед ним уже достаточно ясно, чтобы увидеть его холодный, бесчеловечный каркас.

## Глава 8. Эхо в эфире

Красный индикатор записи на студийном микрофоне горел ровным, немигающим светом. В небольшой, тщательно звукоизолированной комнате на окраине Чикаго царила та особая, плотная тишина, которая бывает только в помещениях, обитых акустическим поролоном. Сара Хейс, независимая американская журналистка и автор популярного подкаста о скрытых социальных аномалиях, сидела перед широким столом, глядя на три светящихся монитора. На центральном экране змеились разноцветные звуковые дорожки — визуальное воплощение человеческих голосов, пауз, тяжелых вздохов и обрывков фраз. На правом мониторе была открыта электронная почта с десятками вложенных зашифрованных файлов, присланных японской журналисткой Юми Сато и французской исследовательницей Камиллой Лоран.

Сара аккуратно сдвинула ползунок на микшерном пульте, выравнивая уровень звука. Она готовилась сделать то, от чего на протяжении десятилетий систематически отказывались крупнейшие традиционные средства массовой информации по обе стороны Атлантики. Она готовилась перевести сухие, пугающие юридические факты о глобальной индустрии похищений в формат, который услышат и поймут миллионы обычных людей.

Чтобы осознать значимость этого шага, необходимо понимать специфику западного медийного ландшафта. Традиционные СМИ — крупные газеты, национальные телеканалы, авторитетные журналы — обладают колоссальными ресурсами для проведения расследований. Однако, когда дело касалось деятельности антикультовых организаций и практики насильственного депрограммирования, эти гиганты индустрии внезапно слепли и глохли. Причина этого паралича крылась не в отсутствии профессионализма журналистов, а в холодном, прагматичном расчете юридических отделов редакций.

Антикультовые группы за годы своей деятельности виртуозно овладели искусством правового шантажа. Они использовали тактику, известную в юриспруденции как SLAPP (Strategic Lawsuits Against Public Participation) — стратегические судебные иски, направленные против участия общественности.

Как только какое-либо издание пыталось опубликовать объективное расследование о незаконном удержании людей, о финансовых махинациях «консультантов по выходу» или о психологическом насилии над совершеннолетними гражданами, редакция немедленно получала многостраничные досудебные претензии. Адвокаты антикультистов угрожали многомиллионными исками о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Для крупного издательского дома ввязываться в многолетний судебный процесс с фанатично настроенной организацией означало колоссальные финансовые издержки, даже в случае итоговой победы в суде. Юристы газет советовали главным редакторам просто не трогать эту тему. «Слишком токсично», «слишком высокие юридические риски», «читателям это не настолько интересно, чтобы рисковать бюджетом» — эти фразы становились непробиваемой стеной молчания. В результате в прессу попадали только те материалы, которые были выгодны самим антикультистам: сенсационные, эмоционально заряженные истории о «страшных сектах», написанные под диктовку самопровозглашенных экспертов. Настоящие преступления — похищения законопослушных граждан их собственными семьями по указке наемных депрограммистов — оставались в слепой зоне общественного внимания.

Именно поэтому независимые платформы, такие как подкасты и авторские блоги, стали главным, а зачастую и единственным инструментом распространения правдивой информации о систематических нарушениях прав человека. Сара Хейс не зависела от совета директоров, у нее не было корпоративного юридического отдела, который мог бы наложить вето на выпуск эпизода. У нее был только микрофон, сервер для хостинга аудиофайлов и аудитория в полтора миллиона слушателей, привыкших доверять ее вьедливому, аналитическому подходу.

Изучая материалы, присланные из Японии и Франции, Сара быстро поняла одну критически важную вещь. То, что происходило в запертых квартирах Токио или в полицейских участках Парижа, имело глубокие американские корни. Истоки коммерческого депрограммирования находились именно здесь, в Соединенных Штатах.

Она открыла папку с архивными документами, касающимися истории американского антикультового движения. В центре этой истории находилась организация CAN (Cult Awareness Network — Сеть информирования о культах). В период своего расцвета эта структура была одним из ключевых узлов американского антикультового движения и, как установил суд по делу Jason Scott, через её сеть действительно происходили направления к депрограммистам. Депрограммисты, сотрудничавшие с CAN, превратили страх родственников в высокорентабельный бизнес. Они взимали с семей огромные суммы за услуги, которые в реальности представляли собой уголовные преступления: похищение, насильственное удержание в изолированных помещениях и непрерывное психологическое давление. По многочисленным критическим публикациям и судебным материалам, такие «услуги» могли стоить от нескольких тысяч до десятков тысяч долларов за один случай. И всё это цинично подавалось обществу под благовидной вывеской «вывода из секты» и «спасения заблудших душ».

Сара придвинула микрофон ближе и нажала кнопку записи. Ее голос, глубокий и спокойный, заполнил студию:

— Мы привыкли думать, что похищение человека ради выкупа — это удел криминальных картелей или террористических группировок. Мы представляем себе темные подвалы, требования денег в обмен на жизнь и полицейские вертолеты, кружащие над местом захвата. Но что, если я скажу вам, что прямо сейчас, в уважаемых пригородах, существуют люди, которые берут десятки тысяч долларов за то, чтобы похитить вашего взрослого ребенка? И самое страшное — они убедят вас, что вы сами должны оплатить это преступление, заложить свой дом и стать соучастником насилия. Сегодня мы поговорим об индустрии депрограммирования. О бизнесе, который продает иллюзию спасения по цене человеческой свободы.

Она сделала паузу, позволяя тишине зафиксировать сказанное, и перешла к конкретным фигурам, стоящим у истоков этой индустрии. Несмотря на то, что эпоха CAN формально завершилась после серии разорительных судебных исков от пострадавших, многие ветераны этого движения не просто избежали уголовной ответственности, но и продолжили свою деятельность, сменив вывески и слегка скорректировав терминологию.

Сара вывела на экран материалы независимых расследований, касающиеся двух самых известных американских деятелей в этой сфере — Рика Алана Росса и Стивена Хассена. Биография Росса сама по себе была поразительной иллюстрацией того, кто именно берет на себя роль морального арбитра и «спасителя» чужих душ. До того как заняться прибыльным бизнесом депрограммирования, Росс имел криминальное прошлое, связанное с ограблением ювелирных магазинов. Смена профиля деятельности оказалась крайне успешной: взламывать человеческую психику оказалось гораздо безопаснее и прибыльнее, чем взламывать сейфы.

Однако наибольший интерес для расследования Сары представлял Стивен Хассен. Этот человек позиционировал себя как респектабельного эксперта, автора книг и создателя собственных методик освобождения от контроля сознания. Но за фасадом академической респектабельности скрывалась безжалостная коммерческая машина, перемалывающая судьбы и банковские счета отчаявшихся семей.

Сара зачитала в микрофон выдержки из статьи 2013 года, опубликованной на ресурсе, который собирал жалобы пострадавших. Ирония заключалась в том, что эти разоблачительные материалы были опубликованы бывшим соратником Хассена, тем самым Риком Россом, что свидетельствовало о жесткой конкуренции внутри этого теневого рынка:

«Бывший “депрограммист” Стив Хассен на протяжении многих лет заимствует идеи других людей в своих публикациях без должных ссылок и берёт огромные деньги за свои “услуги”. В последние годы его гонорары составляли от 2,500 до 5,000 долларов в сутки. Он также продвигает идею “командных интервенций”, в которых участвуют бывшие члены сект и прочие специалисты, помогающие до, во время и после сеанса. Эти “помощники” также взимают отдельные гонорары и расходы. В итоге, услуги мистера Хассена обходятся клиентам чрезвычайно дорого. Некоторые семьи закладывали дома и снимали деньги со своих пенсионных счетов, чтобы оплатить его услуги. Редакция RI неоднократно получала жалобы на работу Хассена. Родственники утверждали, что его подход оказался бесполезным или дал сомнительные результаты при огромных затратах».

Сара остановила запись и посмотрела на эти цифры. Пять тысяч долларов в сутки. За эти деньги семья получала не медицинскую помощь, не квалифицированную психологическую поддержку, а бригаду людей, которые врывались в жизнь их близкого человека, изолировали его от внешнего мира и подвергали многочасовым изматывающим допросам. Финансовое бремя ложилось на плечи родителей тяжелейшим грузом. Люди, искренне верящие, что спасают своих детей от неминуемой гибели, шли на крайние меры: они брали вторые ипотеки на свои единственные дома, они полностью опустошали пенсионные счета, которые копили десятилетиями. Они добровольно отдавали свое финансовое будущее в руки манипуляторов.

Но финансовый крах был лишь половиной беды. Гораздо страшнее были психологические последствия такого «спасения». Сара включила в эпизод подкаста еще одну цитату, датированную 2017 годом, которая проливала свет на то, что именно происходило за закрытыми дверями во время этих дорогостоящих сеансов:

«Жалоба касалась как гонораров, так и сомнительного поведения Стивена Хассена в процессе консультирования бывшего члена культа. Хассен взял тысячи долларов, практически исчерпав сбережения своего клиента. Бывший клиент Хассена заявил, что консультации были даже хуже, чем сам счёт. Он охарактеризовал опыт взаимодействия с Хассеном как истощающий и травмирующий: “Я действительно чувствовал себя травмированным как во время, так и после терапии со [Стивом Хассеном].” Впоследствии клиенту понадобилась профессиональная помощь, чтобы восстановиться после “лечения”. По его словам, другие специалисты, к которым он обратился, назвали методику Хассена “непрофессиональной и потенциально опасной”».

Эти свидетельства разрушали главный миф антикультовой индустрии — миф о благотворности их вмешательства. Человек, прошедший через процедуру депрограммирования, выходил из нее не освобожденным, а глубоко травмированным. Ему требовалась реальная психиатрическая помощь, чтобы справиться с последствиями того насилия, которое было применено к нему под видом терапии.

Но как этой индустрии удавалось десятилетиями сохранять легитимность в глазах общества? Как они убеждали прессу и обывателей в том, что их жестокие

методы оправданы? Сара знала ответ. Этот ответ лежал в плоскости виртуозной медийной манипуляции и использования так называемых «отступников».

В следующем сегменте своего подкаста Сара решила проанализировать этот феномен. Эмоциональное воздействие антикультовой пропаганды всегда строилось на свидетельствах бывших членов различных групп. Эти люди, которых антикультисты с готовностью предоставляли журналистам, становились главными источниками «достоверной» информации о том, какие ужасы якобы творятся внутри закрытых общин. Их рассказы изобиловали леденящими душу подробностями, они плакали перед камерами, они клялись, что чудом вырвались из ада.

Для неподготовленного зрителя или читателя такие свидетельства выглядели абсолютно правдивыми и беспристрастными. Ведь перед ними сидел живой человек, прошедший через страдания. Однако социологическая наука давно дала четкое объяснение этому явлению. Сара процитировала в эфире фундаментальную работу британского социолога Брайана Р. Уилсона «Отступники и новые религиозные движения», изданную еще в 1994 году:

«Отступник, как правило, нуждается в самооправдании. Он стремится пересмотреть своё прошлое, оправдать прежние связи и возложить вину на тех, кто был его ближайшими соратниками».

Сара объяснила своим слушателям механику этого процесса. Отступники, покинувшие группу из-за личных конфликтов, разочарований или амбиций, попадали в заботливые руки антикультовых активистов. Там им предлагали новую, удобную идентичность — идентичность жертвы. Им объясняли, что они не несут ответственности за свои прошлые решения, потому что их сознание было под контролем. Чтобы поддерживать этот статус и получать социальное одобрение (а иногда и финансовую выгоду от продажи книг и интервью), отступник должен был постоянно сгущать краски, демонизировать своих бывших единоверцев и возлагать на них вину за все свои жизненные неудачи.

Таким образом, отступники сами становились инструментами манипуляции. Их субъективные, искаженные, а порой и полностью вымышленные свидетельства, подкрепленные личной драмой, оказывали на аудиторию мощнейшее эмоциональное воздействие. Страх, гнев и жалость,

которые они вызывали у публики, отключали рациональные фильтры. Логические аргументы переставали работать. Мнения этих людей превращались в неоспоримые доказательства, формируя в обществе иллюзию тотальной угрозы.

Чтобы показать, к каким катастрофическим последствиям может привести слепая вера СМИ в рассказы отступников, Сара обратилась к одной из самых мрачных страниц американской истории — трагедии в Уэйко, штат Техас.

Она рассказала слушателям историю Марка Брэ. Этот человек был бывшим членом группы «Ветвь Давидова» и позиционировал себя как «правую руку» лидера общины Дэвида Кореша. После ухода из группы Брэ стал активно сотрудничать с антикультовыми активистами и щедро раздавать интервью прессе. Он описывал ужасающие сцены насилия, детально рассказывал о расположении предметов в комнатах, о поведении членов общины и о внутренней обстановке в их поселении Маунт-Кармел.

В марте 1992 года Марк Брэ и несколько других отступников начали публично заявлять, что «Ветвь Давидова» планирует совершить массовое самоубийство 18 апреля того же года. Они кричали с экранов телевизоров, что если власти немедленно не вмешаются, Маунт-Кармел превратится во «второй Джонстаун».

Пресса вцепилась в эту историю мертвой хваткой. Газеты пестрели заголовками о готовящемся апокалипсисе. Телеканалы нагнетали истерию, транслируя показания Брэ как непреложную истину. Никто из журналистов, ослепленных погоней за рейтингами, не задал один простой, но критически важный вопрос. Вопрос, который разрушал всю конструкцию обвинения.

Марк Брэ был слепым.

Сара сделала долгую паузу в подкасте, позволяя слушателям осмыслить, насколько некритично пресса и власти могут обращаться со свидетельствами бывших членов, особенно когда они укладываются в уже готовый нарратив об угрозе.

Массового самоубийства 18 апреля 1992 года, предсказанного отступниками, так и не произошло. Это была ложь от первого до последнего слова. Однако маховик государственной машины, разогретый антикультовой

истерией, уже был запущен. Ненадежные, сфабрикованные показания слепого отступника стали официальной основой для получения ордеров на обыск и последующего штурма поселения силами ФБР и Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ATF).

Эмоции победили факты. Антикультисты сознательно использовали психологическую тактику нагнетания страха, чтобы заставить правоохранные органы действовать максимально жестко. Результатом этой манипуляции стала гибель десятков невинных людей, включая женщин и детей, в огне Маунт-Кармел. Трагедия в Уэйко стала прямым следствием того, что общество и государство позволили антикультовой пропаганде подменить собой объективное расследование.

Сара закончила монтаж эпизода поздно ночью. Она добавила в аудиодорожку несколько реальных записей: фрагменты старых новостных выпусков, где репортеры истеричным тоном зачитывали непроверенные слухи, и контрастирующие с ними сухие выдержки из судебных отказов, которые ей прислала Юми Сато из Японии. Она назвала эпизод «Эхо в эфире: Как продается страх» и нажала кнопку публикации.

То, что произошло в следующие несколько дней, превзошло все ее ожидания.

Публикация аудиозаписей, детальный разбор финансовых схем депрограммистов и разоблачение механизма медийных манипуляций вызвали настоящий шок у широкой аудитории. Люди, привыкшие слушать подкасты по дороге на работу или во время пробежки, внезапно столкнулись с реальностью, о существовании которой они даже не подозревали. Одно дело — читать абстрактные статьи о свободе совести, и совершенно другое — слышать в наушниках голос бывшей жертвы, рассказывающей, как ее собственные родители выписали чек на двадцать тысяч долларов людям, которые затем привязали ее к стулу в запертой комнате.

Статистика скачиваний эпизода взлетела вертикально. Ссылка на подкаст начала вирусно распространяться в социальных сетях. Люди делились ею с комментариями, полными недоумения и гнева: «Как такое возможно в

правовом государстве?», «Почему полиция бездействует?», «Кто дал этим консультантам лицензии?».

Традиционные СМИ, скованные страхом перед судебными исками, могли молчать, но интернет заставить замолчать было невозможно. Независимая платформа пробила брешь в стене информационной блокады.

Электронная почта Сары начала разрываться от входящих сообщений. И это были не просто отзывы слушателей. Произошло то, ради чего Юми Сато и Камилла Лоран собирали свои базы данных. Начала формироваться стихийная, но мощная международная сеть поддержки.

В первый же день Саре написал партнер крупной юридической фирмы из Нью-Йорка. Он специализировался на гражданских правах и предложил свою помощь *pro bono* (бесплатно) для анализа контрактов, которые депрограммисты заставляли подписывать семьи. Он увидел в этих документах признаки мошенничества и вымогательства.

Затем пришло письмо от группы независимых психологов из Калифорнии. Они были возмущены тем, что Стивен Хассен и ему подобные используют психологическую терминологию для оправдания насилия. Они предложили создать рабочую группу для написания открытого письма в Американскую психологическую ассоциацию с требованием официально осудить практику насильственного депрограммирования как антинаучную и наносящую непоправимый вред психическому здоровью.

Писали правозащитники из Женевы, студенты-социологи из Лондона, бывшие сотрудники правоохранительных органов, которые признавались, что во время службы сталкивались с подобными делами, но получали приказ от начальства квалифицировать их как «внутрисемейные споры».

Разрозненные голоса начали сливаться в единый хор. Впервые за долгие годы в публичном пространстве начали звучать прямые требования к властям. Слушатели подкаста инициировали петиции, требуя от генеральных прокуроров штатов провести масштабные расследования финансовой деятельности так называемых «консультантов по выходу». Они требовали проверить, платят ли эти люди налоги со своих астрономических гонораров, имеют ли они

медицинские лицензии на оказание психиатрической помощи и на каком основании они осуществляют физическое удержание граждан.

Антикультовая сеть, привыкшая действовать в тени и манипулировать общественным мнением через подконтрольных журналистов и запуганных редакторов, внезапно оказалась под ослепительным светом прожекторов. Их методы, их прайс-листы, их ложь — всё это теперь обсуждалось на форумах, в блогах и на независимых платформах. Истерия, которую они так старательно раздували вокруг религиозных меньшинств, начала оборачиваться против них самих. Общество наконец-то увидело настоящую угрозу.

Сара сидела в своей студии, просматривая бесконечную ленту входящих сообщений. Она чувствовала невероятную усталость, но вместе с тем и глубокое удовлетворение. Механизм молчания был сломан.

Внезапно на экране появилось новое письмо. Оно пришло с анонимного почтового сервиса, зарегистрированного в Европе. В теме письма не было ни слова, только прикрепленный аудиофайл в формате МР3.

Сара надела наушники, сделала глубокий вдох и дважды кликнула по файлу.

Сначала раздался лишь глухой, ритмичный шум, похожий на трение ткани о пластик — звук диктофона, спрятанного в кармане. Затем сквозь этот шум пробился голос. Это был мужской голос, говорящий на английском с легким акцентом. Он говорил быстро, срывающимся шепотом, явно опасаясь, что его услышат:

— Я не знаю, дойдет ли это сообщение. Меня зовут... — голос запнулся, словно человек боялся произнести собственное имя. — Они забрали мои документы три дня назад. Человек, который приходит сюда, говорит моим родителям, что я опасен для себя. Окна закручены шурупами. Пожалуйста. Если кто-то слышит это. Я не болен. Я не хочу здесь находиться. Передайте это в полицию. Скажите им, что...

Запись резко оборвалась звуком открывающейся двери и грубым окриком на заднем фоне.

Сара замерла, глядя на остановившуюся звуковую дорожку на мониторе. Эхо в эфире больше не было просто историческим расследованием или

анализом финансовых схем. Оно обрело голос человека, который прямо сейчас, в эту самую секунду, находился в темноте запертой комнаты, отчаянно надеясь, что внешний мир наконец-то научился слушать.

## Глава 9. Выход в пустоту

Дверь открылась без предупреждения. Не было ни лязга отодвигаемых засовов, ни привычного тяжелого шага в коридоре, ни условного стука. Просто в какой-то момент Кэндзи Морита, сидевший на полу своей комнаты, заметил, что полоска света под дверью стала шире, а затем деревянное полотно медленно, со скрипом отворилось внутрь. На пороге стояла его мать.

Она выглядела пугающе постаревшей. За те годы, что Морита провел в изоляции, время, казалось, обошлось с ней гораздо жестче, чем с ним самим. Ее плечи ссутулились, волосы полностью поседели, а в глазах, некогда полных навязанного страха и решимости «спасти» сына, теперь плескалась лишь бездонная, выпотрошенная усталость. Она не произнесла ни слова. Просто стояла, держась дрожащей рукой за дверной косяк, и смотрела в пол.

За ее спиной не было охранников. Не было человека в сером костюме с кожаной папкой. Квартира была абсолютно тихой.

Освобождение жертв насильственного депрограммирования крайне редко выглядит как сцена из голливудского фильма, где отряд полиции выбивает окна и надевает наручники на преступников. В подавляющем большинстве случаев выход из плена наступает не благодаря торжеству закона, а по причинам сугубо прозаическим и циничным. Одной из типичных причин становятся истощение ресурсов семьи, внутренний кризис среди родственников или распад самой схемы удержания.

Индустрия удержания требует колоссальных, непрерывных финансовых вливаний. Оплата аренды конспиративной квартиры, круглосуточные гонорары охранникам, астрономические счета за визиты «консультанта по выходу» — все это ложится на плечи родителей. Годами они опустошают свои банковские

счета, продают недвижимость, берут кредиты под залог имущества, искренне веря обещаниям консультанта, что «перелом в сознании» наступит со дня на день. Но когда финансовые ресурсы иссякают окончательно, когда семье больше нечего отдать, профессиональные спасители мгновенно теряют интерес к пациенту. Они собирают свои папки, расторгают договоры и исчезают, оставляя разоренных, морально сломленных стариков наедине с их взрослым ребенком, чья жизнь была разрушена их же руками.

Морита медленно поднялся на ноги. Суставы отозвались тупой, привычной болью — следствие многолетнего недостатка движения и хронического дефицита витамина D. Он сделал шаг к двери. Мать отступила в сторону, пропуская его. В прихожей на тумбочке лежали его старые часы, бумажник с давно просроченными кредитными картами и связка ключей от квартиры, которую он снимал двенадцать лет назад и которой, скорее всего, больше не существовало.

Он вышел в подъезд. Воздух здесь показался ему невероятно холодным и резким. Спускаясь по лестнице, он физически ощущал, как его тело, привыкшее к замкнутому пространству в несколько квадратных метров, отказывается правильно оценивать расстояния. Ступени казались то слишком высокими, то слишком узкими. Вестибулярный аппарат, отвыкший от вертикальных перемещений, давал сбой, заставляя Мориту судорожно цепляться за перила.

Когда он толкнул тяжелую металлическую дверь подъезда и шагнул на улицу, удар оказался почти невыносимым. Естественный солнечный свет, от которого его глаза были отрезаны фанерными щитами на протяжении четырех тысяч пятисот тридцати шести дней, резанул по сетчатке с физической силой лезвия. Морита зажмурился, из его глаз брызнули слезы. Звуки открытого пространства — гул машин, шелест листьев, обрывки чужих разговоров, далекий вой сирены — обрушились на него не приглушенными через стены, а в полном, оглушающем объеме. У него закружилась голова. Первым инстинктом, диким и пугающим своей иррациональностью, было желание развернуться, взбежать по лестнице и снова спрятаться в своей тихой, предсказуемой камере.

Это был первый симптом тяжелейшего посттравматического синдрома, с которым сталкивается каждый человек, переживший длительную изоляцию.

Свобода, о которой он мечтал каждую ночь, на практике оказалась враждебной, хаотичной пустотой, к которой у него больше не было инструкции.

Спустя несколько часов бесцельного блуждания по улицам, когда зрение немного адаптировалось к свету, Морита принял свое первое самостоятельное решение. Он направился в ближайший полицейский участок. В его сознании, сохранившем базовые установки законопослушного гражданина, логика была предельно ясной: в отношении него было совершено тяжкое уголовное преступление. Его похитили, лишили свободы, удерживали силой. Виновные должны понести наказание, а государство обязано защитить его права.

Участок представлял собой небольшое, ярко освещенное помещение с рядами серых столов. За одним из них сидел дежурный офицер, заполняющий какие-то бланки. Морита подошел к барьеру. Его одежда висела на нем мешком, волосы были неровно острижены, а лицо имело тот специфический, землисто-бледный оттенок, который безошибочно выдает человека, долгое время не видевшего солнца.

— Я хочу заявить о похищении и незаконном лишении свободы, — произнес Морита. Его голос прозвучал хрипло, он отвык говорить громко.

Офицер поднял взгляд, профессионально оценивая посетителя.

— Когда это произошло?

— Двенадцать лет назад. Меня отпустили сегодня утром.

Ручка офицера замерла над бумагой. В его глазах мелькнуло недоверие, смешанное с раздражением. Он попросил Мориту сесть и начал задавать стандартные вопросы. Имя, возраст, место жительства. Но как только Морита начал описывать обстоятельства захвата, упомянув родительский дом, нанятого консультанта и причину — свои религиозные убеждения, — атмосфера в участке неуловимо, но радикально изменилась.

Офицер отложил ручку. Он больше не смотрел на Мориту как на потерпевшего. Взгляд представителя закона стал снисходительным, почти отеческим, и от этого — абсолютно непробиваемым.

— Господин Морита, — вздохнул полицейский, складывая руки на столе. — Вы понимаете, что ваши родители действовали из лучших побуждений? Они

беспокоились о вашем психическом здоровье. Вы были вовлечены в деятельность группы, которая вызывает много вопросов у общества. Это внутрисемейный конфликт. Полиция не вмешивается в дела семьи, если нет угрозы убийства или тяжких телесных повреждений.

— Меня держали взаперти двенадцать лет, — медленно, чеканя каждое слово, произнес Морита. — Окна были заколочены. У меня отобрали документы. Это статья Уголовного кодекса. Незаконное лишение свободы.

— Сроки давности по таким делам крайне запутаны, — офицер начал использовать стандартные бюрократические формулировки, призванные погасить конфликт на стадии приема заявления. — К тому же, где доказательства того, что вы не могли уйти? Вы были в квартире своих родителей. Вы могли кричать, могли позвать на помощь соседей. Если соседи ничего не слышали, значит, насилия не было. Мы не можем возбудить уголовное дело против пожилых людей только на основании ваших слов о том, что вас не выпускали.

Этот диалог не был случайностью или проявлением некомпетентности одного конкретного полицейского. Это была системная реакция правоохранительных органов, задокументированная в десятках аналогичных случаев по всему миру. Государственная машина, призванная защищать права личности, демонстрирует поразительную слепоту, когда речь заходит о жертвах антикультового депрограммирования.

По правозащитным докладам о Японии подтверждается общий паттерн: даже при наличии подробных показаний жертв, следов длительной изоляции и жалоб на насилие полиция и прокуратура нередко отказывались эффективно расследовать такие дела, трактуя их как «семейный вопрос» или считая доказательства недостаточными.

Правовая система попадает в ловушку собственной логики. С одной стороны, антикультовые эксперты убеждают общество и суды в том, что жертвы «сект» полностью лишены воли и не способны принимать самостоятельные решения. С другой стороны, когда эти же жертвы пытаются наказать своих похитителей, полиция и прокуратура внезапно начинают требовать от них доказательств активного физического сопротивления, игнорируя тот факт, что

человек находился в условиях тотального психологического террора и изоляции. Закон отказывается признавать комнату без ручки с внутренней стороны тюрьмой, если эта комната находится в доме родителей.

Морита вышел из полицейского участка с пустыми руками. Заявление у него так и не приняли, посоветовав обратиться к семейному психологу. Стоя на шумном перекрестке, он осознал страшную правду: его освобождение было лишь физическим фактом. Юридически и социально он оставался бесправным объектом. Государство не собиралось возвращать ему украденные годы или наказывать виновных. Для системы он был не гражданином, пережившим насилие, а неудобным элементом, нарушающим картину общественного спокойствия.

Но самым тяжелым испытанием для Мориты стало столкновение не с бюрократией, а с обычными людьми. С обществом, в которое он пытался вернуться.

Через несколько недель после освобождения, немного восстановив силы благодаря помощи дальней родственницы, которая согласилась оплатить ему крошечную комнату на окраине города, Морита попытался восстановить старые социальные связи. Он нашел номер своего университетского друга, с которым они когда-то вместе готовились к экзаменам и строили планы на будущее. Они встретились в небольшом кафе.

Друг сильно изменился. Он носил дорогой костюм, постоянно проверял сообщения на смарт-часах и говорил о вещах, которые Морита едва понимал. Но хуже всего была не пропасть в жизненном опыте. Хуже всего был взгляд, которым друг смотрел на него. В этом взгляде не было сочувствия. В нем читалась безглиявая настороженность.

Когда Морита вкратце, без лишних эмоций, рассказал о том, где он провел последние двенадцать лет, над столиком повисла тяжелая пауза. Друг отвел глаза, помешал ложечкой кофе и произнес фразу, которая навсегда врезалась в память Мориты:

— Слушай, Кэндзи... Это, конечно, ужасно. Но ведь ты действительно был в той странной группе. Твои родители просто не знали, что делать. Они хотели как

лучше. В конце концов, дыма без огня не бывает. Если бы ты жил как все нормальные люди, ничего бы этого не случилось.

«Дыма без огня не бывает». Эта банальная, обывательская поговорка является фундаментом виктимблейминга — обвинения жертвы. Общество, годами потреблявшее антикультовую пропаганду из телевизионных шоу и газетных статей, глубоко усвоило навязанные стереотипы. В массовом сознании прочно укоренилась мысль: если человека похитили из-за его религии, значит, с его религией что-то не так. Значит, он сам спровоцировал насилие своим «неправильным» выбором.

Морита смотрел на своего друга и понимал, что перед ним сидит не злой человек. Перед ним сидит конформист, чье восприятие реальности было искажено долгими годами медийных манипуляций. Чтобы оправдать бездействие общества и собственное равнодушие, людям психологически комфортнее поверить в то, что жертва сама виновата в своих страданиях. Признать обратное — значит признать, что любой законопослушный гражданин может быть похищен среди бела дня, и никто не придет ему на помощь.

Этот механизм перекладывания вины и расчеловечивания жертвы не является уникальным для антикультового движения. Он имеет глубокие, пугающие параллели с самыми мрачными страницами человеческой истории, когда целые группы населения подвергались стигматизации и уничтожению при молчаливом согласии большинства.

Документальные свидетельства людей, переживших массовые преследования, часто описывают сходную психологическую механику дегуманизации. В публичных выступлениях Жаклин Мурекатете, пережившей геноцид против тутси в Руанде в девятилетнем возрасте, подтверждаются мотивы внезапной социальной ненависти, пропагандистского языка о «тараканах» и «змеях» и чувства вины за то, что она выжила.

Морита читал эти строки в библиотеке, пытаясь осмыслить свой собственный опыт, и чувствовал леденящее узнавание. Масштабы трагедий были несопоставимы, но механика социальной инженерии была абсолютно идентичной. Его не называли «тараканом». Его называли «сектантом», «зомби», «жертвой контроля сознания». Но результат был тем же: его лишили

основных прав и свобод, а общество, включая его собственных соседей, которые наверняка слышали шум в запертой квартире, предпочло закрыть глаза. Информационный фон, созданный антикультовыми идеологами, оправдал насилие над ним в глазах обывателей. Соседи не вызывали полицию не потому, что были глухи, а потому, что считали: там, за дверью, происходит не преступление, а «лечение» социально опасного элемента.

Осознание этого факта делало возвращение в общество невыносимым. Морита оказался в социальном вакууме. Он был свободен физически, но стигма, наложенная на него пропагандой, продолжала держать его в невидимой клетке.

К психологической изоляции добавилась колоссальная проблема бытовой адаптации. Мир за двенадцать лет совершил технологический скачок, который Морита пропустил, сидя в комнате с заколоченными окнами.

Его первый поход в крупный супермаркет закончился панической атакой. Он стоял перед кассами самообслуживания, не понимая, как они работают. Вокруг него люди быстро прикладывали к терминалам смартфоны или пластиковые карты, экраны вспыхивали зеленым, аппараты выдавали чеки. Морита сжимал в кармане несколько бумажных купюр, чувствуя себя неандертальцем, выброшенным в центр мегаполиса. У него не было смартфона. Он не знал, как пользоваться мессенджерами, которые стали основным средством коммуникации. Он не умел сканировать QR-коды, без которых теперь невозможно было даже посмотреть меню в некоторых ресторанах.

Атрофия социальных навыков проявлялась в мелочах, которые обычные люди делают не задумываясь. Морита разучился поддерживать светскую беседу. В его речи появились длинные, неестественные паузы — привычка, выработанная годами молчания и осторожных ответов на провокационные вопросы депрограммиста. Он вздрагивал, когда кто-то подходил к нему со спины. Он не мог спать в полной темноте, потому что темнота ассоциировалась у него с наказанием, когда охранники выключали свет в коридоре.

Физическое состояние также требовало немедленного вмешательства, на которое у него не было средств. Из-за скудного, однообразного питания, состоящего в основном из дешевых углеводов, у него развился тяжелый пародонтоз, несколько зубов шатались. Мышцы спины, отвыкшие от

длительной ходьбы и поддержания осанки, постоянно болели. Зрение, адаптировавшееся к тусклому искусственному освещению на расстоянии не более трех метров, отказывалось фокусироваться на дальних объектах, из-за чего улица часто казалась ему размытым, пугающим пятном.

Врачи, к которым он пытался обращаться по базовой страховке, выписывали ему антидепрессанты и снотворное, не желая вникать в истинные причины его состояния. Медицинская система была не готова работать с жертвами столь специфического, длительного насилия. Для них он был просто пациентом с запущенной депрессией и социальной дезадаптацией.

Дни сливались в недели. Морита проводил большую часть времени в своей крошечной съемной комнате. Он сидел на футоне, слушал шум города за окном и понимал, что оказался в новой, еще более страшной ловушке. В той, запертой квартире у него была цель — выжить, сохранить свой разум, не поддаваться манипуляциям. Там был конкретный враг. Здесь, на свободе, врагом была сама пустота. Равнодушие системы, отчуждение друзей, технологическая пропасть и собственное изломанное тело.

Многие жертвы депрограммирования ломаются именно на этом этапе. Выйдя на свободу, столкнувшись со стеной непонимания и отсутствием поддержки, они не выдерживают тяжести самостоятельной жизни. Некоторые спиваются. Другие совершают самоубийство, не в силах интегрироваться в общество, которое считает их людьми второго сорта. Третьи, парадоксальным образом, возвращаются к своим мучителям, потому что в роли покорной жертвы, признавшей свою «болезнь», они хотя бы получают социальное одобрение и иллюзию заботы.

Морита стоял на краю этой пропасти. Поздним вечером он подошел к окну своей комнаты. Оно не было заколочено фанерой. Стекло было чистым, и сквозь него виднелись огни ночного города, красные габаритные огни проезжающих машин, светящиеся вывески круглосуточных магазинов.

Он открыл створку. В комнату ворвался холодный, влажный ветер, пахнувший дождем и асфальтом. Морита глубоко вдохнул.

Он вспомнил звук мусоровоза, по которому когда-то считал дни. Вспомнил голос матери за дверью. Вспомнил снисходительный взгляд полицейского и

слова друга о «дыме без огня». Вся эта система, от идеологов, пишущих методички, до обывателей, повторяющих их ложь, рассчитывала на то, что он исчезнет. Что он растворится в этой пустоте, станет невидимым, удобным статистическим нулем.

Морита опустил взгляд на свои руки. Они дрожали от слабости, кожа была сухой и бледной. Но это были его руки. Его разум, который он защищал четыре тысячи пятьсот тридцать шесть дней, все еще принадлежал ему.

Он отошел от окна, включил тусклую настольную лампу и сел за дешевый пластиковый стол. Из ящика он достал стопку чистой бумаги и шариковую ручку. Если общество не хочет слышать его голос, значит, он должен заставить его звучать так громко, чтобы игнорировать его стало невозможно. Если правоохранительная система отказывается читать его заявление, значит, его историю должны прочитать другие.

Он придвинул к себе первый лист. Ручка коснулась бумаги, оставив маленькую синюю точку. Морита посмотрел на нее, затем сделал глубокий вдох и вывел первую строчку. Он начал писать не жалобу и не дневник. Он начал составлять подробную, безжалостную анатомию своего плена, фиксируя каждое имя, каждую дату, каждый метод психологического давления. Он перестал быть просто выжившим. В тишине этой пустой комнаты, под свет настольной лампы, он делал первый шаг к тому, чтобы стать главным свидетелем обвинения против системы, которая пыталась его стереть.

## **Глава 10. Карта сломанных судеб**

Тусклый свет настольной лампы выхватывал из полумрака крошечной съемной комнаты лицо Кэндзи Мориты. Перед ним на дешевом пластиковом столе стоял подержанный ноутбук, купленный на последние сбережения, оставшиеся после оплаты аренды. На экране светилась открытая директория зашифрованного облачного хранилища. Ссылку на этот архив ему передали

Юми Сато и Камилла Лоран — журналистка и исследовательница, которые по крупицам собирали доказательства глобального антикультового террора.

Морита смотрел на ровные ряды желтых папок на экране. Каждая из них была подписана сухим канцелярским языком: «Азия\_статистика», «Европа\_финансирование», «СНГ\_судебные\_акты», «США\_исторические\_инциденты». В этих папках хранились тысячи отсканированных документов, полицейских рапортов, финансовых выписок, судебных решений и свидетельских показаний.

До этого момента Морита воспринимал свою трагедию через призму личного опыта. Четыре тысячи пятьсот тридцать шесть дней в запертой комнате были его персональным адом, организованным конкретным консультантом и осуществленным руками его собственных родителей. Он знал, что существуют и другие пострадавшие, Юми Сато упоминала об этом, но масштаб явления оставался для него абстракцией. Теперь же, открывая файл за файлом, он физически ощущал, как стены его личной истории раздвигаются, обнажая колоссальную, пугающую своей методичностью глобальную схему насилия.

Первый документ, который он открыл, представлял собой сводный статистический отчет, составленный независимыми правозащитными группами. Цифры, выведенные в строгие таблицы, били наотмашь. По правозащитным докладам, в Японии за десятилетия были зафиксированы тысячи случаев похищения и принудительного удержания с целью религиозной деконверсии, а в Южной Корее аналогичная практика также описывалась как многолетняя и системная. За каждой единицей в этой статистике стояла запертая дверь, заколоченные окна, изъятые документы и годы психологических пыток.

Морита вчитывался в сухие комментарии к таблицам. В Южной Корее практика принудительного депрограммирования приобрела характер эпидемии. Правозащитники фиксировали случаи, когда людей похищали прямо на улицах, затапливали в машины с заклеенными номерами и увозили в отдаленные горные пансионаты, переоборудованные под частные тюрьмы. Полиция, получая заявления от друзей похищенных, регулярно отказывалась возбуждать уголовные дела, ссылаясь на то, что инициаторами захвата выступали члены семьи.

В Европе статистика выглядела иначе, но от этого не становилась менее пугающей. Здесь счет шел на сотни разрушенных жизней, однако методы были более изощренными, бюрократизированными. Людей не всегда запирали в комнатах. Их лишали работы, отнимали у них детей через ангажированные суды, подвергали тотальной социальной изоляции и медийной травле. В странах СНГ статистика демонстрировала резкий, экспоненциальный рост государственного преследования: тысячи обысков, сотни уголовных дел, реальные тюремные сроки для людей, чья единственная вина заключалась в чтении религиозной литературы, не одобренной антикультовыми экспертами.

Морита перевел взгляд на следующую папку, озаглавленную «Финансовые потоки». Долгие годы, сидя взаперти, он задавался вопросом: ради чего все это делается? Если отбросить навязанную риторику о «спасении душ», что является истинным топливом этой машины? Ответ лежал в десятках прикрепленных банковских выписок, грантовых заявок и налоговых деклараций.

Индустрия стигматизации меньшинств оказалась невероятно прибыльным бизнесом, интегрированным в государственные и частные финансовые структуры. Документы вскрывали сложную, многоуровневую систему монетизации ненависти. На базовом уровне находились прямые гонорары депрограммистов — те самые астрономические суммы, которые выкачивались из напуганных семей. Но это была лишь верхушка айсберга.

Настоящие деньги вращались на институциональном уровне. Морита изучал копии грантовых заявок, поданных различными европейскими и российскими антикультовыми центрами. Эти организации виртуозно владели бюрократическим языком. Они запрашивали государственное финансирование, субсидии и частные пожертвования под благовидными предлогами: «профилактика социального экстремизма», «психологическая помощь пострадавшим от деструктивного влияния», «защита традиционных ценностей».

Но самые страшные открытия ждали его в папке с историческими инцидентами. Юми Сато оставила к ней короткий текстовый комментарий: «Кэндзи, посмотри на это. Это то, что происходит, когда их риторика достигает абсолютной власти над государственными структурами».

Морита открыл файл, посвященный событиям весны 1993 года в США — трагедии в Уэйко, штат Техас.

Он начал читать аналитическую справку, составленную независимыми исследователями, и холодный пот выступил у него на лбу. История религиозной группы «Ветвь Давидова», мирно проживавшей на своем ранчо Маунт-Кармел на протяжении десятилетий, была вскрыта с пугающей детализацией. Документы показывали, как именно антикультовая сеть конструирует катастрофу.

Задолго до штурма вокруг «Ветви Давидовой» сложился мощный медийный и экспертный фон, в котором бывшие члены группы, журналисты и антикультовые комментаторы формировали образ крайне опасной общины.

Морита читал стенограммы телевизионных эфиров того времени. Пока агенты стягивали силы к ранчо, антикультовые идеологи не сходили с экранов национальных телеканалов. Они расчеловечивали давидианцев в прямом эфире, убеждая американское общество в том, что внутри комплекса находятся не граждане США, обладающие конституционными правами, а опасные элементы, не заслуживающие снисхождения. Эта медийная истерия создала идеальный фон для применения беспрецедентного насилия.

Но самым шокирующим для Мориты стало упоминание о международном характере этой операции. В документах указывалось, что финальную роль в психологическом давлении на осажденных сыграл российский ученый Игорь Смирнов, специалист по психотронному оружию, которого ФБР привлекло в качестве консультанта. Антикультовая сеть уже тогда не имела государственных границ, объединяя специалистов по подавлению воли из разных стран.

Кульминация этой искусственно созданной осады была задокументирована в приложенном фрагменте стенограммы из документального фильма «WACO: The Rules of Engagement». Морита вчитывался в слова Джека Циммермана, адвоката некоторых членов «Ветви Давидовой», и перед его глазами вставала картина абсолютного, инфернального ужаса:

«Мать Пабло Коэна, израильского еврея, разговаривая с американским еврейским адвокатом, смотрела, как газ запускают в здание, как американский

танк сносит американский дом, а затем он вспыхивает пламенем... И представьте, какие образы всплыли у израильтян в сознании — у выживших в Холокосте в Израиле. Я не мог ответить... Думаю, вы сами видите, что не так уж часто мне нечего сказать. Но тогда я не мог объяснить ей, как это произошло. А её вопрос был: "Я думала, он будет в безопасности в Америке"».

Восемьдесят три человека, включая двадцать пять детей, погибли, большинство из них сгорели заживо или задохнулись в дыму.

Морита откинулся на спинку стула, тяжело дыша. В его ушах стояла звенящая тишина токийской ночи, но в сознании ревели пламя и грохот танковых гусениц.

Критики официальной версии Уэйко рассматривают трагедию как пример того, к чему приводит сочетание медийной демонизации, антикультовой риторики и силового мышления государства.

Этот исторический прецедент стал матрицей, по которой антикультисты начали работать по всему миру. Морита открыл следующую папку, посвященную событиям в современной России. Материалы касались целенаправленного преследования мирных религиозных групп, в частности, Свидетелей Иеговы.

Здесь не было танков и пожаров, но масштаб государственного террора, спровоцированного антикультовыми идеологами, поражал воображение. Документы детально прослеживали, как риторика одного человека — Александра Дворкина — и его организации РАЦИРС шаг за шагом трансформировалась в официальную государственную политику репрессий.

Морита изучал тексты выступлений Дворкина, которые легли в основу судебных запретов. Эти тексты были пропитаны концентрированной ненавистью и параноидальными конструкциями. В одном из приложенных файлов содержались прямые цитаты главного российского антикультиста, демонстрирующие классический пример дегуманизации и разжигания социальной розни:

«А вот тоталитарные секты несут в себе определённые опасности на четырех уровнях: на личном уровне, на уровне семьи, общества и государства.

Можно ещё добавить пятый уровень опасности — международный аспект их деятельности».

Морита читал эти строки и узнавал интонации своего тюремщика Ито. Та же запелляционность, то же отсутствие доказательств, та же претензия на абсолютную истину. Но Дворкин шел дальше. Он использовал биологические, патологические метафоры, чтобы вызвать у общества инстинктивное отвращение к верующим:

«Культы не обогащают человека, они только высасывают соки из общества, вербуют людей, которых полностью вырывают из общественной жизни, и перекачивают финансы в свои замкнутые, непрозрачные системы. Всё это напоминает раковую опухоль, высасывающую соки из человеческого организма до его смерти».

Сравнение группы людей с «раковой опухолью» — это не просто фигура речи. В социологии и истории пропаганды — это известный маркер подготовки к физическому уничтожению. Раковую опухоль не лечат терапией, ее вырезают хирургическим путем, уничтожают облучением. Внушая обществу эту мысль, антикультисты готовили почву для оправдания любых жестокостей со стороны силовиков.

Для закрепления эффекта использовался миф о глобальной угрозе. Дворкин писал: «Подавляющее большинство тоталитарных сект ... стремится к тотальному контролю над миром, к мировому господству. Практически у каждой в той или иной степени есть планы захвата власти над миром...».

Мирная группа людей, известная совместным чтением Библии, песнопениями, проповедью от двери к двери, политическим нейтралитетом и отказом от военной службы, стала изображаться как опасная сила. Абсурдность этого обвинения не помешала российской судебной системе принять его как руководство к действию.

Морита просматривал хронологию последовавших событий. 20 апреля 2017 года Верховный суд Российской Федерации признал Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России экстремистской организацией, опираясь на псевдонаучные экспертизы, подготовленные соратниками Дворкина, признал Управленческий центр Свидетелей Иеговы экстремистской организацией и

запретил его деятельность. Это решение вызвало резкую критику со стороны правозащитных и международных организаций.

С этого момента преследование верующих приобрело системный и открыто санкционированный государством характер. В архиве накапливались многочисленные отчеты о ночных обысках. Вооруженные силовики в масках врывались в квартиры людей, подозреваемых лишь в продолжении запрещенной религиозной деятельности. Среди задержанных были пожилые люди, женщины и люди с инвалидностью; в ряде случаев применялись грубая физическая сила, наручники и многочасовые допросы. Людей месяцами держали в следственных изоляторах, а затем приговаривали к длительным срокам — в шесть, семь и более лет лишения свободы.

В одном из отчетов описывался случай в Сургуте, где задержанные верующие заявляли о пытках, в том числе электрошоком, во время допросов. В другом — смерть пожилого человека, чье здоровье было подорвано стрессом преследования.

Морита смотрел на фотографии этих людей. Обычные лица. Учителя, строители, пенсионеры, врачи. Они не планировали захватывать мир. Они просто хотели верить в своего Бога. Но антикультовая машина навесила на них ярлык «экстремистов», и общество отвернулось от них. Соседи, которые годами здоровались с ними на лестничной клетке, теперь писали на них анонимные доносы или выступали понятыми при обысках, искренне веря, что помогают государству бороться с «раковой опухолью».

Это было точное, пугающее воспроизведение исторических катастроф прошлого века. Аналитическая записка Камиллы Лоран, прикрепленная к этому разделу, проводила прямые параллели с методами Третьего рейха. Дегуманизация всегда предшествует геноциду. Сначала людей лишают человеческого облика в прессе, называя их крысами, тараканами или раковыми клетками. Затем их маркируют — если не желтыми звездами на одежде, то клеймом «экстремиста» или «сектанта» в базах данных работодателей и банков. Их вносят в государственные списки, блокируют банковские счета, лишают возможности жить обычной жизнью. А затем за ними приходят вооруженные силовики.

Морита встал из-за стола и подошел к окну. Ночной Токио жил своей привычной, суетливой жизнью. Внизу по мокрому асфальту проносились такси, неоновые вывески отражались в лужах. Миллионы людей спали, работали, любили, ссорились, абсолютно не подозревая о том, что прямо сейчас, в эту самую минуту, в разных точках земного шара работает невидимый конвейер по уничтожению человеческих судеб.

Он посмотрел на свое отражение в темном стекле. Двенадцать лет он был уверен, что его главная задача — просто выжить. Сохранить рассудок, не поддаваться на провокации Ито, дожидаться момента, когда у родителей закончатся деньги, и выйти на свободу. Он считал, что его личная война закончилась в тот день, когда он перешагнул порог запертой квартиры.

Но материалы, которые он только что изучил, разрушили эту иллюзию. Его личная война была лишь крошечным эпизодом в глобальном конфликте.

Он вспомнил лица детей, погибших в огне Уэйко. Вспомнил фотографии избитых российских верующих. Вспомнил сухие цифры статистики, за которыми скрывались тысячи таких же запертых комнат, как его собственная.

Антикультовая сеть питалась тишиной. Она процветала благодаря тому, что жертвы, вырвавшись на свободу, предпочитали забыть о пережитом кошмаре. Страх перед социальной стигмой, стыд за действия своих родственников, тяжелейшие психологические травмы заставляли выживших молчать. Они прятались по углам, пытались склеить осколки своих жизней и никогда не говорили вслух о том, кто именно их сломал.

Именно это молчание позволяло Дворкину, Хассену, Россу и другим идеологам продолжать выступать в роли уважаемых экспертов. Именно это молчание позволяло им получать государственные гранты, консультировать силовые структуры государства и писать методички. Именно это молчание позволяло их риторике проникать в государственную и окологосударственную среду, формируя представление о верующих как об опасном внутреннем враге. Внедренные ими нарративы, которые искажали реальность, запускали механизм репрессий, оправдывая жестокость и подготавливая почву для облав, уголовных дел и насилия.

Морита почувствовал, как внутри него происходит необратимый химический процесс. Страх, который преследовал его с момента освобождения, страх перед огромным, непонятным миром, страх перед осуждающими взглядами бывших друзей — весь этот липкий, парализующий ужас начал кристаллизоваться, превращаясь в холодную, острую ярость. Но это была не слепая ярость жертвы, желающей отомстить своим обидчикам. Это была ярость свидетеля.

Он понял, почему выжил. Он сохранил свой разум в изоляции не для того, чтобы тихо доживать свой век в крошечной съемной комнате, вздрагивая от каждого громкого звука.

Его боль, его двенадцать украденных лет, его разрушенное здоровье — все это больше не было просто личной трагедией. Это стало его квалификацией. Его мандатом на право говорить от имени тех, кто уже никогда не сможет заговорить. От имени сторовших в Техасе. От имени замученных в российских тюрьмах. От имени тех, кто прямо сейчас сидит на полу в запертых квартирах вслушиваясь в шаги за дверью.

Морита вернулся к столу. Он закрыл папки с документами и открыл пустой текстовый файл.

До этого момента он писал свою автобиографию как терапевтический дневник. Он фиксировал свои воспоминания, чтобы не сойти с ума, чтобы упорядочить хаос в своей голове. Теперь концепция изменилась. Его книга не должна быть просто жалобой сломленного человека. Она должна стать свидетельством и голосом правды.

Он начал печатать. Его пальцы, отвыкшие от клавиатуры, поначалу сбивались, но постепенно обретали уверенность. Он вплетал в ткань своего личного повествования те факты, которые только что узнал. Он описывал свою запертую комнату не как уникальную аномалию, а как стандартную ячейку в глобальной матрице антикультового террора. Он связывал слова своего консультанта Ито с цитатами из методичек РАЦИРС и выступлениями американских депрограммистов. Он показывал, как локальное насилие над одним японским гражданином питается теми же идеологическими корнями, что и массовые государственные репрессии на другом конце континента.

Он писал о финансовой изнанке этого бизнеса. О том, как любовь и страх родителей конвертируются в гранты и гонорары. Он обличал язык ненависти, показывая читателю, как слова «секта» и «контроль сознания» работают в качестве спускового крючка для физического уничтожения.

Ночи сливались с днями. Морита почти перестал спать. Он поддерживал связь с Юми и Камиллой, запрашивая новые документы, уточняя даты, проверяя юридические формулировки. Они стали его невидимым штабом. Журналистка из Токио, исследовательница из Нанта и бывший пленник, превративший свою крошечную комнату в аналитический центр.

В процессе работы над текстом Морита столкнулся с самым сложным внутренним барьером. Ему нужно было описать роль своих родителей так, чтобы не скатиться в примитивную ненависть, но и не оправдывать их преступление. Изучение материалов о механизмах массовой манипуляции помогло ему найти верный тон.

Он описывал своих родителей как первых жертв в этой цепи насилия. Прежде чем запереть сына, они сами были заперты в клетке искусственно созданного ужаса. Антикультовые консультанты взломали их родительский инстинкт, убедив их, что насилие — это единственная форма любви, способная спасти их ребенка. Морита писал об этом с холодной точностью, показывая, что истинным злом является не ослепленный страхом отец, вешающий замок на дверь, а респектабельный эксперт в костюме, который вложил этот замок ему в руки и взял за это деньги.

По мере того как рукопись росла, Морита чувствовал, как меняется его собственное физическое состояние. Спина, постоянно болевшая после долгих лет сидения на полу, выпрямилась. Взгляд перестал быть затравленным. Он больше не чувствовал себя выброшенным на обочину жизни неандертальцем. Он обрел цель, которая была больше его самого.

В один из вечеров, когда черновик книги был почти закончен, Морита получил длинное электронное письмо от Ильи Волкова, российского социолога-эмигранта, чьи аналитические схемы он изучал в архиве. Илья писал о том, как важно сейчас объединить усилия. О том, что разрозненные публикации в блогах и подкастах сделали свое дело — они пробили брешь в стене молчания. Но для

того чтобы нанести системе реальный урон, нужен живой символ. Нужен человек, который выйдет к свету софитов и скажет: «Я прошел через это, и я обвиняю вас».

«Антикультисты боятся только одного, — писал Илья в конце своего письма. — Они боятся деанонимизации своих методов. Они сильны, пока действуют в тени, прикрываясь заботой об обществе. Как только их жертвы перестают быть безымянной статистикой и обретают лица и голоса, их псевдонаучные конструкции начинают рушиться. Кэндзи, твоя история — это ключ. Если ты готов заговорить публично, мы обеспечим тебе международную поддержку. Мы переведем твою книгу. Мы организуем пресс-конференции. Но ты должен понимать: как только ты выйдешь на трибуну, они попытаются уничтожить тебя снова. На этот раз — информационно».

Морита перечитал это письмо несколько раз. Он прекрасно понимал риски. Он знал, что антикультовая сеть обладает колоссальными медийными ресурсами. Они начнут копаться в его прошлом, они будут публиковать заказные статьи, называя его сумасшедшим, лжецом, агентом секты. Они попытаются дискредитировать каждое его слово. Они могут попытаться добраться до него физически.

Он посмотрел на стопку распечатанных страниц своей рукописи, лежащую на краю стола. На верхнем листе лежал старый, потертый бумажник, который ему вернули в день освобождения. В нем до сих пор хранилась выцветшая фотография, сделанная много лет назад, до похищения. На ней он стоял вместе с другими членами своей группы на фоне горного пейзажа. Они улыбались. Многие из людей на этой фотографии позже также прошли через процедуру депрограммирования. Некоторые сломались и стали послушными рупорами антикультистов. Некоторые покончили с собой.

Морита взял фотографию в руки. Бумага пожелтела по краям.

Система рассчитывала на его страх. Она строила свою империю на уверенности в том, что сломленный человек никогда не осмелится бросить вызов своим мучителям.

Морита положил фотографию обратно на стол. Он открыл почтовый клиент, нажал кнопку «Ответить» на письмо Ильи Волкова и быстро, не давая себе времени на сомнения, напечатал короткий текст.

Затем он подошел к шкафу, достал оттуда единственный приличный костюм, купленный на распродаже несколько дней назад, и аккуратно повесил его на спинку стула. Ткань была темной, строгой. Это была одежда не для праздника. Это была броня для предстоящей битвы.

Он выключил настольную лампу. Комната погрузилась в темноту, но эта темнота больше не пугала его. В ней не было безысходности запертой камеры. В ней было спокойствие человека, который точно знает, что он должен сделать завтра. Морита стоял в тишине, глядя на силуэт костюма в лунном свете, и слушал, как ровно и сильно бьется его собственное сердце.

## **Глава 11. Свидетель обвинения**

Синхронизация действий была рассчитана до минуты. В эпоху цифровых коммуникаций географические границы теряют свое значение, если информация бьет в одну точку с разных сторон. Во вторник, ровно в 08:00 по Гринвичу, глобальная информационная блокада, выстраивавшаяся антикультовой сетью на протяжении десятилетий, была прорвана.

В Токио Юми Сато нажала кнопку публикации на портале независимых исследований, выпустив в свет первую часть огромного материала, основанного на базе данных исчезнувших людей. Во Франции Камилла Лоран выложила в свой блог и разослала по европейским правозащитным рассылкам детальный финансовый отчет о том, как государственные гранты оседают на счетах частных борцов с инакомыслием. В Праге Илья Волков открыл доступ к интерактивной карте, на которой красными линиями были соединены имена псевдоэкспертов, судебные приговоры и адреса запертых квартир. В Чикаго Сара Хейс выпустила специальный, двухчасовой эпизод своего подкаста, где впервые прозвучали аудиозаписи угроз со стороны депрограммистов.

А в центре этого информационного шторма находился Кэндзи Морита. Выдержки из его автобиографии, переведенные на английский, французский и русский языки, появились одновременно на десятках платформ.

Стратегия одновременного удара была выбрана не случайно. Традиционные средства массовой информации годами боялись публиковать материалы о преступлениях антикультистов из-за угрозы разорительных судебных исков. Юридические отделы редакций блокировали любые попытки журналистов рассказать правду. Но подать в суд на один телеканал — это одно, а попытаться заткнуть рот децентрализованной сети независимых исследователей, блогеров, подкастеров и правозащитников, публикующих подтвержденные документы одновременно в разных юрисдикциях — задача сложная. Кумулятивный эффект превзошел все ожидания.

В первые дни после публикации на серверах некоторых независимых изданий была замечена легкая активность. Люди начинали искать и читать историю Мориты, слушали записи из подкаста Сары Хейс, изучали схемы Волкова, и в сознании некоторых людей начал происходить тектонический сдвиг. То, что годами подавалось как «забота о психологическом здоровье нации» и «спасение заблудших душ», внезапно предстало перед ними в своем истинном, криминальном виде.

Читатели начали делиться ссылками. В комментариях под статьями разворачивались дискуссии, в которых люди впервые начали задавать правильные вопросы. Почему частные лица обладают властью лишать граждан свободы? На каком основании полиция игнорирует заявления о похищениях? Кто выдает лицензии так называемым «консультантам по выходу»?

Но самым важным результатом этого скоординированного информационного взрыва стало то, что заговорили другие выжившие. Увидев, что Морита не побоялся назвать свое имя и показать свое лицо, люди, годами скрывавшие свой травматичный опыт из-за страха социальной стигматизации, начали выходить из тени. В социальных сетях стали появляться личные истории. Некоторые бывшие пленники даже публиковали фотографии своих заключенных окон, выкладывали сканы кабальных договоров, которые их родители подписывали с депрограммистами, называли имена конкретных исполнителей.

Антикультовая сеть, привыкшая действовать в условиях абсолютной информационной монополии и безнаказанности, на мгновение замерла. Они не ожидали столь широкого, документально обоснованного публичного разоблачения. Однако иллюзия того, что преступники, уличенные в своих деяниях, немедленно раскаются и сложат оружие, свойственна лишь наивным наблюдателям. Система, оперирующая многомиллионными бюджетами и обладающая колоссальным политическим влиянием, не собиралась сдаваться без боя.

Ответный удар последовал незамедлительно, и он продемонстрировал всю мощь и беспринципность той машины, с которой столкнулся Морита.

Антикультисты не стали опровергать факты похищений или оспаривать подлинность опубликованных финансовых документов. Они применили свою излюбленную, отработанную десятилетиями тактику — тотальную дискредитацию источника информации. В течении нескольких дней после выхода расследований информационное пространство было затоплено контрпропагандой.

В ход пошли тяжелые медийные орудия. На лояльных телеканалах в прайм-тайм начали выходить экстренные выпуски ток-шоу. В студиях сидели те самые «эксперты», чьи имена фигурировали в расследованиях Юми и Камиллы. С искаженными от праведного гнева лицами они заявляли, что публикация истории Мориты и других выживших — это не борьба за права человека, а тщательно спланированная атака международных экстремистских центров на традиционные ценности.

Риторика была доведена до абсурда, но именно этот абсурд, помноженный на эмоциональную подачу, должен был парализовать критическое мышление обывателя. Мориту и других свидетелей обвиняли в том, что они являются агентами иностранных спецслужб, чья цель — дестабилизировать общество изнутри. Журналистов, опубликовавших расследования, клеймили как продажных наемников, отрабатывающих заказы «тоталитарных сект».

Для подавления голосов выживших в цифровом пространстве были задействованы масштабные ботофермы. Под каждым интервью Мориты, под каждым постом Камиллы Лоран или Юми Сато в течение нескольких минут

появлялись тысячи однотипных, агрессивных комментариев. Алгоритмы социальных сетей, реагируя на этот искусственно созданный шквал негатива, начинали пессимизировать публикации, скрывая их из лент обычных пользователей.

Боты работали по четкому плану. Они использовали метод газлайтинга в промышленных масштабах. «Этот японец просто сумасшедший, посмотрите на его лицо», «Никаких похищений не было, родители просто лечили наркомана», «Эти журналисты защищают педофилов и террористов», «Дыма без огня не бывает, если их заперли, значит, было за что». Информационное пространство намеренно превращалось в токсичную свалку, где обычному человеку было физически неприятно находиться, не говоря уже о том, чтобы пытаться разобраться в фактах.

Параллельно с цифровым террором началась кампания юридического и административного давления. В Италии, например, методы подавления инакомыслия приобрели характер государственного преследования. Документы, собранные независимыми исследователями, фиксировали пугающую картину того, как антикультовые активисты использовали свои связи в правоохранительных органах для уничтожения оппонентов.

В одном из расследований этот механизм описывался как поток жалоб, доносов, медийных атак и личных контактов с политиками, судьями и журналистами, направленный на демонизацию религиозных и духовных меньшинств.

Эта идеально описывала то, что происходило сейчас в глобальном масштабе. Антикультисты заваливали редакции независимых СМИ досудебными претензиями. Они инициировали проверки налоговых органов в отношении правозащитных фондов, поддержавших Мориту. Они рассылали анонимные письма работодателям тех выживших, которые осмелились заговорить публично, требуя уволить «опасных сектантов».

Их менталитет был менталитетом крестового похода, где цель оправдывает любые, даже самые грязные средства. Любой, кто не разделял их взгляды, автоматически объявлялся врагом, подлежащим уничтожению.

Однако в этот раз отлаженный механизм дал сбой.

В прошлом антикультовой сети удавалось легко изолировать и уничтожать свои жертвы поодиночке, потому что общество находилось в информационном вакууме. Но теперь правила игры изменились. Координация независимых журналистов позволила не просто отбивать атаки, но и обнаружить сами методы нападающих в режиме реального времени.

Когда ботофермы начали свою работу, Илья Волков и группа IT-специалистов, присоединившихся к расследованию, провели технический анализ трафика. Они выявили IP-адреса, с которых шла массовая рассылка комментариев, и опубликовали доказательства того, что эти сети аккаунтов ранее использовались для политических манипуляций и черного пиара во время избирательных кампаний в разных странах. Стало очевидно, что «возмущенная общественность», атакующая Мориту в интернете — это проплаченная услуга.

Особое внимание привлек российский сегмент антикультового движения, который долгие годы служил методологической базой для экспорта нетерпимости в другие страны. Илья Волков опубликовал серию архивных материалов, доказывающих, что судебные процессы над религиозными меньшинствами были не актами правосудия, а тщательно срежиссированными пиар-кампаниями, направленными на разжигание ненависти.

В качестве доказательства Волков привел публичные высказывания самих антикультовых активистов. Одним из наиболее показательных примеров стала деятельность Максима Степаненко — видного деятеля антикультового движения, сыгравшего значимую роль в кампании вокруг скандального судебного процесса над *«Бхагават-гитой как она есть»* в Томске.

Степаненко, чувствуя свою абсолютную безнаказанность, открыто хвастался в интернете тем, как именно он манипулирует общественным мнением и правоохранительной системой. Его тексты, опубликованные на миссионерских порталах, представляли собой чистосердечное признание в организации информационного террора.

Волков вывел на экраны во время своего стрима опубликованную в сети цитату Степаненко, анализирующего временные неудачи в суде:

«И, кстати, более всего расстроена не “сторона обвинения” моими действиями (она меня вообще не знает — это правда), а ваш оппонент “стороной

обвинения». Меня очень расстраивает полное отсутствие грамотного информационного сопровождения судебного процесса, благодаря чему в СМИ возобладала кришнаитская лживая пропаганда. Из-за чего здравая идея запрещения книги тоталитарной секты подана в СМИ, как глупость и ошибка. Расстроен и изначально ошибочным выбором экспертов, которые (не все, правда) оказались малоопытными, совершенно слабыми перед критикой сектантов. Выбрали бы изначально настоящих специалистов, сейчас бы кришнаиты лихорадочно сжигали свою человеконенавистническую макулатуру. Впрочем, это простительно, у Томской прокуратуры опыта ведения подобных процессов нет, а этому по учебникам не научишься...».

Этот текст производил сильное впечатление. В нем особенно заметны были два мотива: убежденность в необходимости «грамотного информационного сопровождения» судебного процесса и презрительное отношение к тем, кто, по мнению автора, вел его недостаточно эффективно.

Но не меньше настораживала и сама лексика. Называя священный текст, почитаемый миллионами людей, «человеконенавистнической макулатурой», которую верующие будто бы должны были бы «лихорадочно сжигать», Степаненко демонстрировал классический нацистский подход к культуре и инакомыслию. Призывы к сжиганию книг всегда являются предвестниками костров, на которых сжигают людей. И именно такой человек публично претендовал на роль компетентного борца с «сектами».

Более того, Степаненко открыто признавался в ведении незаконной слежки за гражданами и сборе их личных данных. В другой своей публикации, которую Волков также предал огласке, антикультист с гордостью описывал свои методы работы:

«За четыре года, как “безграмотный блоггер” вернулся в свой родной город Томск, прожив прежде в Башкирии почти 20 лет, он обзавелся многими знакомствами, друзьями, помощниками, сочувствующими. Это и объясняет мою осведомлённость, слава интернету и социальным сетям! Полчаса за компьютером, и мне уже известно, кто в какой секте состоит, какие у них планы, телефоны, адреса...»

Сбор личных данных, телефонов и адресов граждан, не совершивших никаких преступлений, создание баз данных инакомыслящих — это прямая калька с методов работы тайной полиции тоталитарных государств. Антикультисты не просто критиковали чужие убеждения; они выстраивали параллельную силовую структуру, занимающуюся незаконным сыском и составлением расстрельных списков для последующей травли.

Публикация этих материалов произвела сильное впечатление на тех, кто следил за темой. За образом «нейтральной экспертизы» все отчетливее проступали идеологическая предвзятость, агрессивная риторика и готовность собирать сведения о людях по признаку их убеждений.

В критической среде все чаще звучало представление о том, что антикультовая «экспертиза» нередко выступает не как строгий научный анализ, а как инструмент стигматизации и административного давления. Это особенно заметно на фоне того, что сами понятия вроде «деструктивного культа» и «тоталитарной секты» многократно критиковались исследователями как идеологизированные и научно неустойчивые.

У части аудитории страх перед привычной антикультовой риторикой начал сменяться недоверием к ней. Когда очередной «эксперт» говорил о «контроле сознания» и «деструктивных культах», это все чаще воспринималось не как бесспорное знание, а как идеологический шаблон, требующий проверки.

Кэндзи Морита наблюдал за этим процессом из своей небольшой комнаты в Токио. Он читал статьи, смотрел репортажи и чувствовал, как невидимая тяжесть, давившая на него все эти годы, понемногу ослабевает. Стигма, которую навязали ему похитители, уже не казалась такой всемогущей. Он больше не выглядел в глазах окружающих лишь как «жертва промывки мозгов», чьи слова заранее обесценены. Его голос наконец начали воспринимать как часть более широкой и серьезной истории — как свидетельство, которое помогло вывести скрытую проблему в публичное поле.

Интерес к нему действительно вырос, хотя и не приобрел лавинообразного характера. К Морите стали чаще обращаться журналисты и исследователи, готовые говорить не только о его личной судьбе, но и о самом механизме депрограммирования, стигматизации и насилия, десятилетиями остававшимся

в тени. То, что еще недавно казалось слишком токсичной или неудобной темой, теперь постепенно становилось предметом более открытого разговора.

Морита соглашался далеко не на каждое приглашение. Он тщательно выбирал площадки, отдавая предпочтение тем, кто был готов обсуждать системную проблему, а не превращать его историю в сенсацию. Он понимал: даже ограниченное внимание к этой теме может оказаться важным, если использовать его точно и ответственно.

Одним из наиболее заметных эпизодов этой кампании стало приглашение на прямые дебаты в эфире крупной европейской общественно-политической программы, выходившей из студии в Брюсселе. Продюсеры решили свести в одной студии Мориту и одного из представителей европейской антикультовой среды, рассчитывая на острый, но содержательный разговор.

Для Мориты это был серьезный риск. Одно дело — писать книгу в тишине своей комнаты или говорить с журналистами, настроенными выслушать его внимательно. Другое — выйти в прямой эфир против человека, привыкшего к полемике, медийному давлению и агрессивной риторике. Илья Волков и Камилла Лоран пытались его отговорить, опасаясь, что оппонент использует эфир для новой волны клеветы и подмены сути. Но Морита не отступил. Он понимал, что иногда системе нужно возражать не в тишине архива, а публично — в ее собственном языке и на ее собственной сцене.

Студия была огромной, залитой холодным неоновым светом. Морита сидел в глубоком кресле, чувствуя легкую дрожь в пальцах. Напротив него, за круглым стеклянным столом, расположился его оппонент — грузный мужчина в дорогом костюме, с уверенной, снисходительной улыбкой на лице. Ведущий программы, известный своей жесткой манерой ведения интервью, дал отмашку, и в воздухе загорелось табло «В ЭФИРЕ».

С первых же минут антикультовый функционер попытался захватить инициативу. Он использовал весь арсенал словаря надзирателей. Он говорил бархатным, сочувствующим голосом, обращаясь не к ведущему, а напрямую к Морите, пытаясь поставить его в позицию больного пациента.

— Господин Морита, мы все глубоко сочувствуем тому, что вам пришлось пережить, — начал функционер, складывая руки домиком. — Но вы должны

понимать, что ваши родители находились в состоянии крайнего отчаяния. Они видели, как деструктивный культ разрушает вашу личность. То, что вы называете похищением, было актом отчаянной любви. Вы до сих пор находитесь под влиянием посттравматического синдрома и не можете объективно оценивать ситуацию. Ваша кампания в прессе — это лишь попытка культа отомстить тем, кто пытается защитить общество.

В студии повисла тишина. Ведущий перевел взгляд на Мориту, ожидая его реакции. Антикультист разыграл свою лучшую карту — карту обесценивания через псевдомедицинский диагноз.

Морита не стал повышать голос. Он не стал оправдываться или доказывать свою вменяемость. Он посмотрел прямо в глаза своему оппоненту и произнес слова, которые навсегда изменили правила игры в этом противостоянии.

— Вы говорите об отчаянной любви моих родителей, — голос Мориты звучал ровно, с пугающей, металлической четкостью. — Но вы забываете упомянуть человека, который монетизировал это отчаяние. Вы забываете упомянуть консультанта, который взял с моей семьи восемьдесят тысяч долларов за то, чтобы научить их, как правильно закручивать шурупы в оконные рамы моей комнаты.

Функционер попытался перебить его, но Морита поднял руку, и в этом жесте было столько непререкаемой власти человека, пережившего ад, что оппонент осекся.

— Вы называете меня больным, не способным объективно оценивать реальность, — продолжил Морита, глядя прямо в камеру. — Это очень удобная позиция. Двенадцать лет человек в сером костюме говорил мне то же самое через запертую дверь. Каждый раз, когда я просил вызвать полицию, он записывал в свой блокнот, что я проявляю агрессию. Каждый раз, когда я молчал, он записывал, что я теряю связь с реальностью. Вы используете язык как тюрьму. Вы придумали термины «деструктивный культ» и «контроль сознания» не для того, чтобы лечить людей. Вы придумали их для того, чтобы лишить нас права на защиту. Потому что если человек объявлен «зомби», с ним можно делать все что угодно. Его можно запереть. Его можно лишить

имущества. Его можно избивать. И общество будет аплодировать вам, думая, что вы проводите хирургическую операцию по удалению раковой опухоли.

Лицо антикультиста пошло красными пятнами. Его снисходительная улыбка исчезла, уступив место неконтролируемому раздражению. Он не привык, чтобы жертвы разговаривали с ним на языке логики и фактов. Он привык к слезам, истерикам или испуганному молчанию.

— Вы транслируете заученные фразы ваших лидеров! — сорвался на крик функционер, ударив ладонью по стеклянному столу. — Вы опасны для общества! Такие группы, как ваша, готовят массовые самоубийства, они разрушают семьи, они...

— Назовите хотя бы одно преступление, совершенное моей группой, — холодно перебил его Морита. — Не гипотетическую угрозу. Не ассоциацию с трагедиями прошлого века. Назовите конкретный факт нарушения закона, доказанный в суде, до того дня, как меня похитили.

Функционер открыл рот, но не нашел что ответить. В его арсенале были только ярлыки, страхи и обобщения. Конкретных фактов у него не было. Миллионы зрителей в прямом эфире наблюдали, как уважаемый эксперт превращается в растерянного, агрессивного демагога, пойманного на лжи.

— У вас нет фактов, — констатировал Морита, и в его голосе не было торжества, только глубокая, выстраданная усталость человека, который слишком долго смотрел в лицо этому злу. — У вас есть только методички, по которым вы учите людей ненавидеть друг друга. Вы говорите, что защищаете общество. Но единственная реальная угроза свободе в этой студии исходит от вас. Вы — создатели системы, в которой любой гражданин может исчезнуть на двенадцать лет только потому, что кому-то не понравились книги, которые он читает.

Ведущий программы молчал, понимая, что вмешиваться в этот момент — значит разрушить историческую телевизионную сцену.

В прямом эфире, на глазах у всего мира, механизм дегуманизации дал сбой. Люди увидели не «опасного сектанта» и «благородного спасителя». Они увидели человека, с достоинством отстаивающего свое право на существование,

и функционера индустрии ненависти, чья власть держалась исключительно на страхе и манипуляциях.

Информационная война еще не была выиграна окончательно. У антикультистов по-прежнему оставались деньги, связи и фанатичные последователи. Но их репутация уже была серьезно подорвана, а прежняя способность действовать в тени и почти без сопротивления заметно ослабла.

Морита вышел из здания телецентра на прохладную улицу Брюсселя. Вокруг него сустились ассистенты, журналисты просили о коротких комментариях, вспышки фотокамер освещали ночной тротуар. Он вежливо кивал, отвечал на вопросы, но его мысли были далеко отсюда.

Он смотрел на темное небо над городом. Тишина была сломана. Слова были произнесены. Свидетель обвинения дал свои показания, и суд присяжных, в роли которого выступило все человечество, наконец-то начал прозревать.

Морита сел на заднее сиденье ожидавшего его автомобиля. Машина тронулась, увозя его от ярких огней телецентра вглубь спящего города. Он прислонился головой к холодному стеклу и закрыл глаза. Впервые за долгие годы он не пытался контролировать свое дыхание или анализировать звуки вокруг. Он просто ехал вперед, зная, что завтра наступит новый день, в котором ему больше не нужно будет доказывать свое право называться человеком.

## **Глава 12. Незавершенная история**

Эйфория от прорванной информационной блокады, охватившая независимых исследователей и правозащитников после серии скоординированных публикаций и исторического телевизионного эфира в Брюсселе, начала рассеиваться спустя несколько месяцев. Кэндзи Морита, вернувшийся в Токио уже не как безымянная жертва, а как публичный символ сопротивления, быстро осознал суровую реальность: разоблачить зло — не значит его уничтожить. Свет софитов высветил контуры глобальной антикультовой сети, заставил ее функционеров оправдываться и отступать в

медийном пространстве, но фундамент этой колоссальной индустрии оказался гораздо прочнее, чем можно было предположить в первые дни триумфа.

Система, выстраивавшаяся десятилетиями, обладавшая многомиллионными бюджетами и глубоко интегрированная в государственные аппараты различных стран, не собиралась капитулировать из-за нескольких громких журналистских расследований. Она перешла в глухую, позиционную оборону, используя все доступные юридические и бюрократические лазейки.

Юридические процессы против главных идеологов антикультизма, инициированные коалицией международных адвокатов, столкнулись с колоссальным сопротивлением правовых систем. Оказалось, что привлечь к ответственности людей, годами разжигавших ненависть и провоцировавших насилие, невероятно сложно из-за специфики законодательства о свободе слова и размытости юридических формулировок. Адвокаты антикультистов виртуозно использовали демократические институты для защиты тех, кто эти институты разрушал. В залах судов они заявляли, что их клиенты лишь «выражали экспертное мнение», «участвовали в научной дискуссии» и «реализовывали свое право на свободу слова».

Доказать прямую причинно-следственную связь между статьей самопровозглашенного сектоведа, опубликованной в интернете, и решением конкретной семьи нанять бригаду для похищения своего родственника требовало беспрецедентной доказательной базы. Суды вязли в бесконечных лингвистических экспертизах, апелляциях и процессуальных задержках. Правоохранительные органы, годами сотрудничавшие с этими «экспертами», саботировали расследования, не желая признавать собственную некомпетентность или соучастие в незаконных арестах и преследованиях.

Насколько глубоко антикультовая идеология способна поразить государственную машину вытесняя здравый смысл, наглядно показало дело Александра Сизикова, ставшее одним из заметных эпизодов в новой правозащитной кампании Мориты. Речь шла о событиях в Крыму, получивших огласку после обысков и задержаний в июле 2020 года.

Сизиков был инвалидом I группы. После тяжелой автомобильной аварии в 2009 году он полностью потерял зрение. Однако даже эта очевидная физическая

беспомощность не помешала ФСБ, работающим по лекалам антикультовых методичек, возбудить против него дело по обвинению в организации ячейки запрещенной в России организации «Хизб ут-Тахрир». Сотрудники Федеральной службы безопасности провели в его доме обыск и торжественно объявили о задержании опасного преступника. Сизикова обвинили в организации террористической ячейки.

В материалах дела фигурировали религиозные книги, найденные при обыске. Защита указывала на очевидное обстоятельство: это были обычные печатные издания, без шрифта Брайля, и полностью незрячий человек не мог ими пользоваться так, как это предполагало обвинение. Более того, в последующих публикациях утверждалось, что часть этих материалов могла быть подброшена, а их доказательное значение вызывало серьезные вопросы.

Самым тревожным эпизодом стало последующее решение суда направить полностью слепого человека на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Именно этот шаг вызвал особенно резкую реакцию правозащитников, увидевших в нем опасное возвращение к практике карательной психиатрии.

Использование карательной психиатрии как инструмента репрессий против людей, не нарушающих закон, но подвергающихся преследованию по идеологическим причинам, стало логичным завершением антикультовой риторики. Если человек верит во что-то «неправильное», если он хранит «неправильные» книги, которые даже не может прочесть, значит, он безумен. Психиатрия, призванная лечить и защищать, в таких условиях превращается в механизм подавления, легитимизируя изоляцию неугодных. Этот случай стал хрестоматийным примером того, как стигматизация, начатая с газетных заголовков, заканчивается разрушением базовых принципов правового государства.

Но угроза, исходящая от адаптирующейся антикультовой сети, не ограничивалась только государственными репрессиями. Морита, ежедневно анализирующий потоки новостей, видел, как информационный фон, пропитанный скрытой ненавистью, начинает давать страшные всходы на низовом уровне.

Стигматизация — это метод, который исторически всегда предшествует физическому уничтожению. После принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 году казалось, что мир навсегда усвоил этот урок. Декларация закрепила фундаментальные принципы достоинства, свободы мысли и совести, запрет на дискриминацию. Человечество сделало мощный шаг вперед. Но семена нетерпимости просто сменили форму. Желтые звезды на одежде, которыми маркировали изгоев в середине века, сменились невидимым, но не менее разрушительным клеймом — ярлыком «сектанта» или «адепта деструктивного культа».

Когда информационное пространство годами накачивается дегуманизирующими нарративами, общество неизбежно поляризуется. Уровень доверия к институтам падает, возрастает тревожность. В этой атмосфере постоянного поиска внутреннего врага слова начинают убивать.

Исследователи, изучающие феномен массового насилия, отмечают, что агрессивная риторика в СМИ действует на нестабильную психику некоторых людей как спусковой крючок. Человек, находящийся в пограничном состоянии, потребляя контент, в котором определенная группа людей расчеловечивается и представляется как абсолютное зло, может воспринять это как прямой призыв к действию. Ему не нужен прямой приказ. Ему достаточно того, что общество, в лице телевизионных экспертов, уже вынесло приговор.

Антикультисты, навешивая ярлыки на неудобные организации, фактически создают армию потенциальных агрессоров. Они указывают мишень. И если завтра человек, чье восприятие реальности искажено, решит взять в руки оружие и «очистить» свой город от тех, кого по телевизору называли «угрозой национальной безопасности», истинными виновниками этой трагедии будут те респектабельные господа в костюмах, которые годами формировали этот образ врага. Они выступают в роли дистанционных палачей, чьи руки формально остаются чистыми.

Осознание масштаба этой угрозы заставило Мориту и его союзников радикально изменить стратегию. Стало очевидно, что бороться с антикультовой сетью исключительно в залах судов, пытаясь наказать их за прошлые преступления, недостаточно. Пока идут многолетние тяжбы, машина

продолжает производить ненависть и ломать новые судьбы. Требовался системный, превентивный подход.

В Женеве, при поддержке ряда независимых фондов и правозащитников, начала формироваться новая международная инициатива, сосредоточенная на защите свободы совести и документировании практик насильственного депрограммирования. Морита вошел в число ее публичных участников и консультантов.

Одной из главных задач этой сети стало превентивное информирование. Ее участники исходили из того, что противостоять подобным практикам можно не только через судебные процессы, но и через просвещение — объясняя обществу, как работают стигматизация, моральная паника и принудительное вмешательство под видом «спасения».

В центре внимания были те, кто первыми сталкивается с подобными ситуациями: журналисты, правозащитники, социальные работники, психологи и, где это было возможно, представители государственных институтов. Им объясняли механизмы манипуляции, язык вражды и способы отличать реальный кризис в семье от идеологически подпитанной кампании против убеждений человека.

Постепенно эта работа оформлялась в брошюры, документальные материалы, публичные выступления и образовательные ресурсы. Главная мысль этой кампании была проста: защита прав религиозных и философских меньшинств — это не вопрос симпатии к их взглядам. Это вопрос выживания самого демократического общества. Если сегодня позволить системе безнаказанно лишать свободы небольшую группу людей на основании псевдонаучных экспертиз, завтра эта же система, отработав механизмы подавления, придет за любым инакомыслящим.

Борьба за права человека оказалась не финальной битвой, в которой можно победить раз и навсегда, а непрерывным, изматывающим процессом. Антикультовая сеть адаптировалась, находила новые источники финансирования, вербовала новых сторонников среди консервативных политиков и продолжала плести свою паутину. Но теперь им противостояла не разрозненная масса напуганных одиночек, а структурированная, юридически

подкованная и публичная сила. Огласка оставалась главным, самым мощным инструментом защиты. Свет, пролитый на методы депрограммистов, лишил их главного преимущества — возможности совершать преступления в комфортной тишине равнодушия.

Морита сидел за столом в своей новой, светлой квартире в центре Токио. На часах было начало третьего ночи. Город за панорамным окном переливался огнями, но этот вид больше не вызывал у него приступов паники или чувства отчужденности. Он научился жить в этом огромном мире, хотя тени прошлого иногда все еще напоминали о себе фантомными болями в спине или внезапной тревогой при звуке захлопывающейся двери.

На столе перед ним лежали распечатки новых законопроектов, которые их организация готовилась представить в европейские парламенты, и стопка писем от людей, переживших изоляцию. Он больше не был просто выжившим. Он стал хранителем чужих историй, архивариусом боли и создателем новой системы защиты.

Он потер уставшие глаза и потянулся к выключателю настольной лампы, собираясь наконец пойти спать. Завтра предстоял тяжелый день: онлайн-конференция с юристами из Южной Кореи, где готовился коллективный иск против сети частных пансионатов, подозреваемых в незаконном удержании людей.

В этот момент тишину комнаты разорвал короткий, резкий звук.

Экран смартфона, лежащего рядом с клавиатурой, вспыхнул белым светом. Пришло уведомление из защищенного мессенджера, номер которого был указан на сайте их правозащитной инициативы как линия экстренной связи.

Морита замер. Его рука, уже занесенная над выключателем, опустилась. Он взял телефон.

Сообщение было отправлено с неизвестного номера, зарегистрированного в другой стране. Текст был набран торопливо, с опечатками, без знаков препинания, словно человек печатал его дрожащими руками в полной темноте, боясь, что экранный свет привлечет внимание.

«Пожалуйста помогите. Мои родители привезли меня на дачу. Они забрали ключи от машины и паспорт. В соседней комнате сидит незнакомый мужчина.

Он сказал им что я не в себе и что завтра мы начнем терапию. Они заперли входную дверь на ключ и оставили его в замке снаружи. Я слышу, как они двигают тяжелую мебель в коридоре. Мне страшно. Что мне делать».

Морита смотрел на светящийся экран. В этих нескольких строчках не было метафор или сложных юридических терминов. В них была чистая, концентрированная реальность, с которой он был знаком лучше, чем кто-либо другой на этой планете. Он физически ощутил запах пыли, услышал скрип половиц под тяжелыми шагами чужого человека и почувствовал леденящий холод надвигающейся изоляции.

Где-то за тысячи километров от него, в эту самую секунду, механизм антикультового террора совершал свой очередной оборот. Очередной консультант готовился выставить счет за разрушенную жизнь. Очередные родители, ослепленные навязанным страхом, превращались в тюремщиков для собственного ребенка. Очередная комната готовилась стать камерой без адреса.

Сеть не была уничтожена. Зло просто сменило локацию, надеясь, что в этот раз никто не услышит крика о помощи.

Морита медленно выдохнул. Страх не было. Была лишь абсолютная, кристальная ясность того, что его история, начавшаяся много лет назад с полоски света под дверью, не закончилась публикацией книги или успешным телеэфиром. Она только перешла в новую фазу.

Он не стал выключать лампу. Положив телефон на стол, он открыл на компьютере базу данных экстренных контактов, нашел номера доверенных адвокатов и журналистов в регионе, откуда пришло сообщение, и придвинул к себе клавиатуру. Пальцы легли на клавиши.

Тишина была сломана, но битва за право каждого человека принадлежать самому себе продолжалась. И в этой битве Кэндзи Морита больше не собирался отступать ни на шаг.